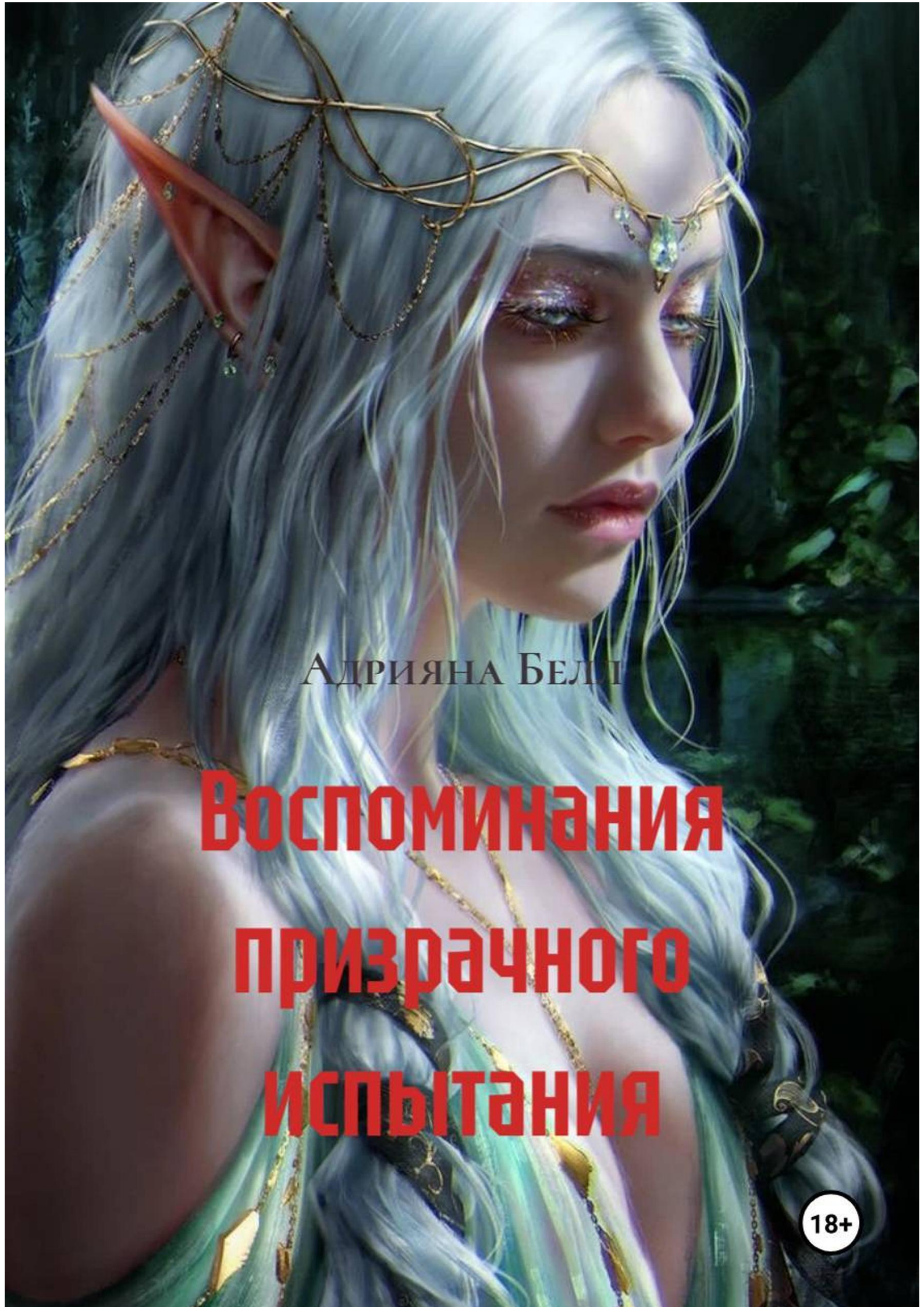

Адриана Белл

**Воспоминания
призрачного
испытания**

18+

Адриана Белл

**Воспоминания
призрачного испытания**

«Автор»

2026

Белл А.

Воспоминания призрачного испытания / А. Белл — «Автор»,
2026

«Воспоминания призрачного испытания» — это история о борьбе за выживание, о поиске себя в лабиринтах чужой воли, о запретных желаниях и тайнах, окутывающих происхождение главной героини. Сможет ли Янэс вырваться из цепей, которые, кажется, преследуют её всю жизнь, или станет лишь очередной игрушкой в руках тех, кто жаждет власти и обладания?

© Белл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8.	34
Глава 9.	40
Глава 10.	46
Глава 11.	51
Глава 12.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Адриана Белл

Воспоминания призрачного испытания

Пролог

Ее имя, Янэс иль Филь, звучало как шепот ветра среди вечнозеленых деревьев призрачного мира. Но никто не знал ее настоящего появления здесь. Лишь слухи, словно дымка, окутывали ее появление на свет: о великой вспышке, о внезапном исчезновении ее матери, королевы племени «Белое Перо» - Луны, и принца темных эльфов, Дарниэля. Среди призрачного народа у Янэс не было никакого титула. Она была чужачкой, дитя тайны, порождение противоестественного союза. Для всех она была странной, вызывающей одновременно любопытство и страх.

Росла в мире, где каждый взгляд был пропитан подозрительностью, оставлял неизгладимый след. Её красота, хоть и уникальна, была пугающей. Глаза, меняющие цвет от изумруда до глубокого фиолетового, волосы, струящиеся, как свет луны, и огромные белые крылья за спиной – все это говорило о ее демоническом или, что еще хуже, божественном, непостижимом начале. Её не понимали, боялись и сторонились. Обучение было лишь способом удержать силу под контролем, способом обезопасить мир от того, кем она могла стать. Жестокость стала ее единственной собеседницей, а дисциплина – тюрьмой.

Когда Янэс исполнилось четырнадцать, ее продали. Не замуж – заложницей. Этот акт стал следствием политических игр, призванных укрепить союз между соседними странами, хотя было больше на то что король, решил избавиться от ненавистной внучки. Ее покупателем стал извращенец, чье имя даже шептать было противно. Он видел в ней не личность, не дочь из королевской семьи, а лишь игрушку, сосуд для удовлетворения своих темных желаний и прихотей его грязных друзей. Каждое его прикосновение обжигало, оставляя на душе невидимые шрамы. Она научилась быть мертвой внутри, отдавая свое тело, но сохраняя нетронутой душу, где-то глубоко-глубоко. Этот ад длился ровно год...

Год, который закончился криком. За убийством ее мучителя последовал шок. Брат насильника, в борьбе за наследство, совершил акт кровопролития, обставив так как будто он сам перерезал себе горло, именно это и даровало Янэс долгожданную свободу. В тот момент, когда она поняла, что больше не должна терпеть, что свободна от этой гнили, ее сердце наполнилось невообразимым облегчением. Это было первое настоящее чувство радости, которое она испытала за всю свою жизнь. Вырвалась! Она – свободная!

Но это счастье оказалось хрупким, как осенний лист. В двадцать лет, когда она еще только начала привыкать к самой мысли о независимости, ее вновь призвали. На этот раз – другой мир, другая планета. Она покидала королевство Мильхэль, где по сей день правит ее бабушка – Агатињес иль Филь первая, что в будущем будет великой богиней судьбы. А отправлялась в Финсельбурк – королевство, где властвовал жестокий король, темный эльф. Здесь, как слышали слухи, Янэс, лишённая титулов среди призраков, должна была стать принцессой, будущей спутницей, матерью страны. Король Финсельбурка, чье имя внушало трепет и страх, казался таким же прекрасным, как и жестоким. Его королевство, величественное и суровое, раскинулось на самой грани понимания. Янэс вновь почувствовала, как холод сковывает ее изнутри. Страх перед новым браком, неизвестностью, жестокостью, которая, казалось, преследовала ее всю жизнь, сдавила грудь.

Однако, где-то в глубине души, рядом с этим всепоглощающим страхом, зародилось иное, странное чувство. Желание оказаться рядом с этим величественным, прекрасным, но столь же холодным королем. Стремление увидеть его, узнать. Будто какая-то неведомая сила,

возможно, та самая, что связывала ее с бабушкой, тянула ее к нему, не смотря на всю боль и страх, что она уже пережила. Это было опасно. Это было безумно. Но остановить себя она уже не хотела и возможно не могла.

Глава 1

В тронном зале Королевства Мильхэль царила тишина, лишь лёгкий шорох воздушной ткани нарушал её. Королева Агатињес иль Филь, богиня судьбы и правительница этого величественного мира, правила здесь уже столько, что время для нее стало лишь переменчивой декорацией. Сегодня она выглядела как утончённая девушка лет шестнадцати – эта способность останавливать свой возраст была лишь одной из бесчисленных привилегий вечно живущих. Её глаза, каждый в своём неповторимом цвете – один изумрудный, другой лучисто-фиолетовый – внимательно изучали нежданного гостя. Львиную гриву её черных волос венчала корона, украшенная сверкающими кристаллами чёрного бриллианта. Одежда, струящаяся, но при этом смело открывающая достоинства, пленяла завораживающим, переливающимся оттенком, словно сотканная из самого рассветного неба. На коленях королевского трона, свернувшись в уютный клубок, спал милый львёнок, совершенно не обращая внимания на напряжённость момента.

Королева отдала приказ – оставить их наедине. Никого, кроме неё и гостя, не должно было быть рядом. Гостем этим был король Финсельбурка, тёмный эльф, чьё имя стало синонимом жестокости и власти. Он прибыл сюда с определённой целью, и беседа их была обречена на то, чтобы изменить ход судеб.

— Приветствую вас, Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый, — произнесла Агатињес, её голос был спокоен, но в нём чувствовалась скрытая сила. — Скажу честно, вы удивили меня своим появлением. Я не смогла этого предвидеть. Ответьте же мне, с какой целью попросили аудиенции со мной?

Король Финсельбурка, склонившись в издевательском поклоне, отозвался с притворной учтивостью:

— Уж не надо лгать, у вас, Агатињес, ни один мускул тела не вздрогнул, или вы постоянно находитесь в состоянии статуи? — король хищно усмехнулся. — А цель визита у меня проста: ходят слухи, что вы, великая богиня, обзавелись внучкой, чья красота превосходит даже вашу. Правда или ложь?

— Любопытно, — в голосе королевы прозвучал холодок, но на лице всё так же играла маска безразличия. — Даже до вас добрались эти слухи. Жаль, что некоторые не могут держать язык за зубами.

— Королева Агатињес, я ненавижу тратить своё время впустую, — король сменил тон, становясь более прямолинейным. — Хотелось бы как можно быстрее решить все дела и вернуться к себе. Уж вы - то знаете, что быть далеко слишком долго — опасно.

— Знаю, — Агатињес взмахнула рукой, и на гладкой стене тронного зала открылась арка, за которой виднелся портрет девушки. Это последнее, что она хотела показать. Лучше бы эта девушка навсегда осталась погребена в склепе. Но король требовал, и портрет стал свидетельством того, кого он желал.

Король Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый смотрел на портрет, не в силах понять — видит он правду или ложь. Ведь девушка и вправду была изумительна, словно хрупкая статуэтка. Как же он захотел ей обладать, познать, какова она на вкус. Мысль о том, что её будут касаться другие, одновременно возбуждала и злила его.

— Я хочу её, — сказал он. В его голосе прозвучал не просто приказ, а голодное, звериное желание, в котором слышалась застарелая ненависть к понятию "отказ". Другой бы испугался, но не Агатињес.

— Репутация о вас и ваших действиях уже давно мне известна, — спокойно ответила королева, в её голосе не было ни тени сомнения, лишь сверлящая уверенность. — И вы думаете, что я, Агатињес иль Филь, отдам вам своё сокровище? Ваши похотливые мысли и извра-

щённые фантазии мне известны так же хорошо, как и ваша неспособность принять "нет". Уверена, что вы поступите с ней так же, как и с другими...

— Наглая ложь! Вы не знаете ничего! — Король почувствовал, как его гордыня, его искажённое чувство обладания, раздрает его. В тронном зале начало резко темнеть, словно он высасывал из мира всю радость и свет, превращая его в своё мрачное отражение, где царят лишь его желания и ненависть к любому, кто смеет ему перечить.

— Любопытно, вы меня удивляете, — Агатињес не дрогнула. Её вечность и безразличие к чужим страстям были непробиваемы, как алмаз. Ей было на всё наплевать, кроме её собственной воли, которую никто не смел оспаривать. — Хорошо, я позволяю вам. Можете забрать.

Король лишь презрительно ухмыльнулся, в его глазах мелькнул опасный огонёк. Он низко поклонился, и в этом поклоне была вся его надменность и предвкушение. Затем, следуя за слугой, он направился в покои той самой девушки, чья красота разожгла в нём столь низменное и отчаянное желание.

Янэс или Филь, чьё существование было столь тщательно скрываемо, сидела в своём любимом кресле. Оно было мягким и уютным, словно объятия самой судьбы, и располагалось рядом с распахнутым окном. За ним раскинулся мир, который она видела лишь мельком, от которого её желали уберечь. На ней было белоснежное, лёгкое платье. Ткань, настолько тонкая, что почти растворялась на коже, облегла её фигуру, подчёркивая каждый изгиб, словно вторая кожа. Оно было невесомым, и лишь легчайшие складки струились вниз, касаясь пола, добавляя образу эфирности — будто она была соткана из лунного света и утренней росы. В руках Янэс покоилась книга — древний фолиант, испещрённый незнакомыми символами. Её пальцы, длинные и изящные, легко скользили по страницам, увлечённо следуя за строками. На лице играла безмятежная улыбка, порождённая погружением в чтение. Белоснежные волосы мягко спадали на плечи, обрамляя фарфоровое личико. Глаза, глубокие и лучистые, светились живым умом и любопытством.

В этот миг мир вокруг неё дышал умиротворением. Её существование было защищено стенами этой обители, а внешний мир казался далёкой, не касающейся её сказкой. Лёгкий ветерок, проникающий извне, ласково трепал её волосы и приносил тонкие ароматы диких цветов. Всё в окружавшей её тишине предвещало спокойствие, которое, казалось, могло длиться вечно. Но эту идиллию нарушила лёгкая поступь. Кто-то приближался. Несмотря на полное погружение в книгу, Янэс почувствовала это — тонкую вибрацию в воздухе, изменение энергетического поля. Её книжная безмятежность начала медленно таять, уступая место предчувствию чего-то иного. Вошла служанка. Она склонилась в поклоне, но её руки мелко дрожали, а глаза были широко раскрыты от испуганного ожидания.

— Милая хозяйка... — её голос сорвался на тихий, прерывистый шепот. — К нам прибыл... прибыл гость. Поговаривают, это он... тот самый король из Финсельбурка. Тот, что за лезть отрезает языки своим придворным. Говорят, он мрачный, как его собственные склепы...

Янэс медленно подняла глаза от книги. Её лицо было совершенной маской безразличия. Белоснежные волосы, цвета лунного света на первом снегу, мягко ниспадали на плечи, словно холодное сияние, отделяющее её от всего живого и эмоционального вокруг. Лёгкая складка между её идеально очерченными бровями появилась лишь на мгновение, как признак рассеянного, почти механического интереса. К её бабушке часто приходили буйные посетители. Их крики и угрозы были для неё лишь фоном, как шум ветра за окном.

— Он кричал? — её голос был прозрачным и холодным, как стекло зимнего окна. В нём не было ни тревоги, ни даже простого человеческого любопытства.

— Он... он был в тронном зале с Вашим Величеством, — служанка зашептала ещё быстрее, словно опасаясь, что сам воздух передаст её слова нежеланному гостю. — И кричал так... будто не человек, а демон из глубин. О том, что хочет... хочет кого-то. Такого я ещё не видела!

Янэс опустила глаза на книгу, но не читала. Слово «хочет» заставило её пальцы мимолетно и бесчувственно скользнуть по краю страницы. Это было не предчувствие, а логическое осознание неизбежного. Ярость гостя была лишь фактом, одним из многих в долгой жизни её бабушки. И всё же...

— Подойди, — произнесла она, и её тон был приказом, абсолютно лишенным тепла. — Поправь мои волосы. Они от ветра потеряли совершенство.

Служанка, дрожа, подошла и начала аккуратно укладывать белоснежные, холодные пряди, стараясь не коснуться кожи своей госпожи, которая казалась ей теперь ещё более далекой и недоступной.

— Он направляется сюда, — сказала Янэс ровно, как будто сообщая о погоде. — В этом направлении. Это очевидно.

Через пять минут...

Он вошел, не ожидая разрешения. Янэс обернулась, и её холодное равнодушие на миг столкнулось с чем-то, чему в её каталоге ощущений не было названия.

Перед ней стоял мужчина, которому и двадцати пяти не дашь. Черные, как воронье крыло, волосы, блестящие и тяжелые, спускались ниже пояса, сливаясь с темнотой его одежды. На его голове покоилась огромная, громоздкая корона из черненого серебра и темных самоцветов — символ власти, который он носил не как украшение, а как оружие.

Под тяжестью короны проступали изящные и одновременно грубые черты лица — будто тончайший мраморный рельеф был намеренно испорчен ударами молота. Высокие, резко очерченные скулы сочетались с жесткой линией челюсти, а излом бровей придавал взгляду не просто жестокость, а первобытную, неотёсанную мощь. Это было лицо, в котором утонченность аристократа боролась — и проигрывала — дикой, необузданной силе, скрывавшейся под бледной кожей.

Его тело, утонченное и сильное, было облачено в безупречно сидящие черные одеяния, подчеркивавшие аристократическую худобу и скрытую мощь. Они идеально оттеняли его смертельную бледность. Но маска была живой. И смотрела на нее.

Его глаза были словно выжженные ямы. Не просто темные, а пустые, поглощающие свет. И в них не было ни похоти, ни простого желания. Он смотрел на Янэс так, словно видел не девушку в легком платье, а явление. Чудо, о котором читал в запретных гримуарах. Артефакт невероятной мощи. Сокровище, уже мысленно положенное на свою чёрную полку. Он молча подошел ближе, не сводя с неё этого испепеляющего, лишённого всякой человечности взгляда. Из складок его одежды возникла рука в черной перчатке. В длинных, изящных пальцах он держал цветок. Он был черно-алым, словно запекшаяся кровь на ночном бархате. Лепестки были неестественно жесткими, будто выкованными из металла, а аромат от него тянулся тяжелый, приторно-сладкий, с горьким, ядовитым шлейфом.

Король протянул цветок. Жест был не ухаживанием, а актом обозначения права собственности.

— Я тебя забираю, — прозвучал его голос. Он был тихим, но в нём гудела сталь и абсолютная, не допускающая возражений уверенность. — Ты моя.

Он не спрашивал. Он констатировал факт, как если бы объявил о смене времён года.

Глава 2

Путь оказался долгим, тихим и невыносимо однообразным. Они ехали в разных каретах. Янэс — в запертой, усиленной нового «владельца», с пятью безликими стражниками, чьё молчание было таким же непроницаемым, как и бронированные стенки экипажа. Король — в своём собственном, чёрном, как его душа, возглавляя процессию, будто катафалк.

Их вывели из замка внезапно и без церемоний. Ни служанки, ни её привычных лёгких одежд, словно стерли её прежнюю жизнь одним взмахом. Вместо них ей вручили — без слов, просто бросили в карету — странный комплект. Одевание напоминало охотничье, но было переосмыслено в духе чёрной металлической эстетики Финсельбурка. Ткань, облегающая как вторая кожа, прочная и гибкая, была снабжена жестким корсетом и ламинарными накладками, похожими на элементы доспехов. Одежда была тёмной, практичной и закрывала всё тело.

И это было... единственное, что не причиняло боли. Она скрывала следы. Не просто следы, а память о цепях. Большую часть своей жизни она провела в них — магических ограничителях, надетых ей бабушкой и придворными магами «для её блага». «Это поможет тебе контролировать энергию внутри себя, дитя. Это защитит тебя от тебя самой», — звучал в голове бархатный, ледяной голос Агатињес, пока холодный металл впивался в её запястья, щиколотки, горло. Охотничье обличье короля скрыло эти старые, белесые рубцы. Под плотной тканью она могла притвориться целой. Но это была ложь. Потому что цепи были не снаружи. Они были внутри. Им не нужен был металл. Им хватало одиночества.

Вот что это было на самом деле. Грандиозная, бесконечная мука одиночества. Её воспитывали как сокровище, как артефакт, как оружие. Не как личность. Никто не смел прикоснуться к ней без ритуала, никто не смотрел ей прямо в глаза, никто не говорил с ней о пустяках. Её мир состоял из книг, вида из окна и тихих шагов служанок, которые боялись поднять на неё взгляд. И вот теперь, в этой карете, это одиночество обрело физическую форму. Её везли, как вещь. Стражники дышали скучно и ровно. За стенкой, в чёрной карете впереди, молчал тот, кто называл её своей. И она сидела, стиснув зубы так, что челюсти ныли, глядя в окно на мелькающие деревья, и внутри неё кричало от тоски по обычному слову, по случайному прикосновению, по чьему-либо взгляду, в котором была бы она, а не её предназначение, не её сила, не её проклятая кровь.

Что задумала королева? Этот вопрос грыз её, как голодный зверь. Великая Агатињес, всевидящая и всезнающая, не могла просто отдать свою единственную внучку, своё сокровенное оружие, этому... мрачному королю-палачу. Это был ход. Часть игры, в правила которой Янэс никогда не посвящали. Отдавала ли она её в жертву? Или, наоборот, бросала в самое пекло, чтобы та, наконец, вспомнила, кто она? Или, может, бабушка увидела в этом короле что-то, что могло... сломать её цепи? Нет. Это было безумием. Бабушка сама их выковала. Янэс чувствовала себя пешкой, которую передвинули на самую опасную клетку доски, и даже не потрудились объяснить зачем. От этой мысли одиночество становилось еще острее, превращаясь в ледяную, тошнотворную пустоту в самой глубине живота. Она была абсолютно, вселенски одна.

Внешне же ничего не изменилось. Её лицо, обрамлённое белоснежными волосами, оставалось безупречно спокойной маской, фарфоровой куклой за стеклом. Ни одна слеза не осквернила её щёк. Она даже дышала ровно. Но если бы кто-то мог заглянуть внутрь, туда, где должна была быть душа, он увидел бы лишь сплошную, кровавую рану, немую сцену отчаяния, от которого сжимается сердце и перехватывает дыхание. Она страдала так тихо, что эта тишина была громче любого крика.

И дорога вела их через огромный Магический Лес. Он был древним, полным жизни, но что-то было не так. Звери опасались приближаться. Лесная чаща вокруг их процессии зами-

рала, становясь мертвенно тихой. Ни птиц, ни духов, ни шелеста в подлеске. Словно сама природа в страхе замирала, ощущая то, что везли в этих двух каретах: бездонную тьму впереди и тихо горящее, одинокое отчаяние — сзади.

И вот, под конец этого бесконечного пути, сквозь муку одиночества и непонимания, проросло новое, жгучее и абсолютно иррациональное чувство. Она жаждала того взгляда.

Того самого, каким он смотрел на неё в её покоях. Взгляда, который был лишён человечности, но в котором была тотальность. Он не видел в ней девушку, запертую в башне, не видел пешку. Он видел Чудо. Его взгляд был ужасен, пуст и поглощающим, но таким манящим, видящий именно её. Не легенду, не угрозу, а именно её суть, мощь — и желал это безраздельно, с животной, не знающей сомнений яростью.

Ей было непонятно данное желание. Это не было благодарностью. Не было симпатией. Это была голодная, болезненная тоска по тому единственному моменту, когда её существование было признано — пусть и в форме обладания, пусть и взглядом, выжигающим душу. В тишине своей кареты, под перестук колёс, она ловила себя на мысли, что ждёт, когда он снова посмотрит на неё. Чтобы снова почувствовать, что она — не призрак. Что она — реальна. И это непонимание того, что она чувствует, эта смесь ужаса и тяги, была почти такой же мучительной, как и одиночество.

Мир вокруг молчал в страхе. А она внутри сгорала от вопросов без ответов и чувств без названий.

Телепортация произошла неожиданно — без вспышек света или привычного гула магического вихря. Мир за окном кареты просто сменился, как декорация. Одна секунда — мелькающий край Магического Леса, следующая — вымощенный черным камнем внутренний двор чудовищного по масштабам дворца. Это было нарушением всех законов: порталы такой силы, ведущие прямо в сердце королевской цитадели, были невозможны. Или он был настолько силен, что законы для него — просто слова.

Янэс ещё не успела осмыслить этот факт, не успела даже разглядеть готические шпили, впивающиеся в пепельное небо Финсельбурка, как дверь её кареты (которая не издала ни звука) распахнулась.

Сильные руки в грубой кожаной перчатке впились в неё. Её резко выдернули из полумрака, перевернули и закинули на плечо, как мешок с зерном. Воздух вырвался из её лёгких от неожиданности и неловкого положения. Прежде чем успело прийти возмущение — дерзость! Кто смеет?! — она почувствовала, как та же рука нагло, без тени смущения, легла ей на нижнюю часть спины, прижимая и одновременно глядя тяжелым, собственническим движением.

Она не видела лица. Не успела крикнуть. Только почувствовала запах кожи, стали и той же приторной сладости, что исходила от его чёрно-алого цветка. И тут же — резкий, точный удар по определённой точке на шее, скрытой под её белоснежными волосами.

Её мир погас беззвучно и мгновенно.

Спустя время...

Сознание вернулось к ней мягко, будто она всплывала со дна тёплого, тёмного озера. Она лежала на спине на чём-то невероятно удобном. Открыв глаза, Янэс увидела высокий, сводчатый потолок. Вместо ожидаемых гротескных горгулий и мрачных барельефов, над ней сияла изящная фреска с изображением звёздного неба — бескрайнего, спокойного и невероятно детального.

Ощувив под спиной упругость, она медленно поднялась, понимая, что находится в тронном зале. Однако это пространство, вопреки всем ожиданиям, отнюдь не напоминало мрачный склеп — оно было залито ярким, холодным светом, который лился с огромных витражных окон, играя на каждой поверхности. Повсюду, будто бросая вызов каменной твердыне, буйствовала зелень: в массивных каменных кадках, в свисающих с балок плетёных корзинах, раскинулись папоротники, плющи и странные растения с серебристыми, будто припудренными

инеем, листьями. И повсюду же, создавая жутковатый, но совершенный контраст этой живой плоти, стояли, вились и мерцали те самые чёрно-алые цветы — металлические, отточенные в своей красоте и откровенно ядовитые, будто застывшие капли крови на фоне ночи.

В центре, восседая на величественном троне, вырезанном из тёмного дерева и инкрустированном чёрным кварцем, сидел король. Сидел он, однако, не как властелин, готовый вершить судьбы, а с откровенной, подчёркнутой скукой — откинувшись на спинку, перекинув одну ногу через подлокотник, в позе, полной презрительного небрежения. Его волосы, чёрные, как смоль, тяжёлыми прядями струились по трону, спускаясь даже на пол; корона же, лежащая на его голове, казалась единственной досадной тяжестью. А глаза, эти выжженные, пустые ямы, были прикованы к ней — наблюдая за тем, как она приходит в себя, с тем же отстранённым, холодным интересом, с каким смотрят на механическую куклу, у которой вот-вот должны заработать шестерёнки.

Не проронив ни единого слова, он медленно, с преувеличенной ленью поманил её пальцем. Сам жест, в своей умышленной простоте и фамильярности, был унизителен — точь-в-точь как подзывают собаку, не устаивая её даже имени.

Янэс, всё ещё ощущая лёгкое головокружение и тяжесть в конечностях, поднялась на ноги, замечая, что её охотничья одежда, странным образом, не помялась. Внутри же всё кричало — от унижения, от неопределённости, от яростного протеста, — однако лицо её оставалось гладким, непроницаемым льдом. Сделав несколько шагов по направлению к трону, она уже собралась было склониться в том холодном, церемонном поклоне, который был вбит в неё годами привычкой и дисциплиной. Не успела даже начать движение...

Его рука метнулась вперёд со змеиной, обманчивой быстротой, и длинные, холодные пальцы вцепились ей в горло — не сдавливая дыхание, нет, но с такой сокрушительной, неумолимой силой, что острая, жгучая боль пронзила шею и отдалась глухим гулом в висках. Притянув её к себе, заставив встать на цыпочки, он теперь смотрел на неё сверху вниз, а она, захваченная этим мертвенным взглядом, глядела в его бездонные глаза с расстояния всего в одну ладонь.

— Запомни раз и навсегда, — его голос был тихим, ледяным, и каждое слово падало отдельно, подобно осколку стали, разбивающемуся о камень. — Ты моя. Предательства не потерплю. Никто, слышишь, **никто** не имеет права прикасаться к тебе, кроме меня. Даже мысль об этом — смерть для того, кто её возымел. Даже служанки. Ты служишь мне. Твоё место — рядом. Днём и ночью. Забудь, что в твоих жилах течёт королевская кровь. В моём королевстве ты — никто. И даже статус невесты, — он презрительно, с отвращением выдохнул это слово, — тебе ничего не даёт. Его так же легко отнять, как сорвать цветок.

Произнёс он это не со злостью, не с гневом, но с леденящей, абсолютной уверенностью в своей неоспоримой власти. И затем, одним резким, почти небрежным движением, отшвырнул её от себя. Янэс, потеряв равновесие, отлетела к стене и ударилась о холодный камень плечом; острая, пронизывающая боль тут же пронзила всё тело, но она подавила даже малейший звук, лишь до боли стиснув зубы, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слёзы.

Не обращая ни малейшего внимания на её страдание, король лишь щёлкнул пальцами. И из тени колонны, будто материализовавшись из самого мрака, вышел слуга в простом, аскетичном чёрном одеянии, с лицом, полностью скрытым глубоким капюшоном. В его руках был неброский деревянный ларец; на бархатной подушке внутри лежал один-единственный лист пергамента и серебряное, холодно поблёскивающее перо.

— Поставь свою подпись, — приказал король, даже не удостоив её взглядом, будто речь шла о самой обыденной, скучной формальности. — Это договор. Магически нерушимый. Он обязывает тебя не причинять мне вреда — ни действием, ни словом, ни мыслью. И в равной мере обязывает меня не причинять вреда тебе. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Янэс, всё ещё потирая онемевшее, ноющее плечо, сделала шаг к ларцу. Её ум, однако, лихорадочно работал, анализируя каждую деталь: «Защита для неё? Нет, слишком просто, слишком... неестественно».

Король медленно, будто через силу, поднял на неё взгляд, и на его тонких губах расплылась та самая, мерзкая, хищная улыбка, полностью лишённая тепла.

— И это не потому, что я чего-то боюсь, — прошипел он, и в глубине его выжженных глаз вспыхнуло что-то неуравновешенное, дикое и жестокое. — А потому, что я могу тебя убить. В любой момент. Когда только захочу. Этот договор — не твоя защита. Это моё напоминание, о том, что твоя жизнь удерживается на этой бумаге не моей милостью, а лишь скукой. Подписывай.

Янэс взяла холодное, почти ледяное перо. Её рука, к её собственному удивлению, не дрогнула ни на секунду. Внутри же всё сжалось в тугую, болезненный комок — сплетение унижения, первобытного страха и ледяной, молчаливой ярости. Она поставила свою подпись — изящный, выющийся вензель, который в этот миг выглядел не печатью рода, а клеймом, меткой рабыни. Перо вспыхнуло короткой, ярко-синей вспышкой, впитывая подпись в самую плоть пергамента; договор вступил в силу.

Король, наконец, отвёл взгляд, словно мгновенно потеряв к ней всякий интерес, будто только что подписанный документ окончательно стёр её из поля его внимания.

— Отведите её в покои, — бросил он через плечо слуге, уже глядя куда-то в пространство. — Те что рядом с моими. И принеси ей еды. Пусть привыкает к новому дому.

Её снова увели, но на этот раз она шла сама, выпрямив спину в струнку, с лицом, застывшим и непроницаемым, словно изваяние из самого белого мрамора. На её шее, однако, алели свежие, отчётливые следы его пальцев, а на душе лежал тяжёлый, холодный, как глыба льда, груз нового статуса: не невеста, не пленница, а вещь, чья хрупкая жизнь теперь всецело зависела от прихоти и степени скуки тирана. И где-то в самой глубине, под всеми этими слоями страха, горечи и ярости, всё ещё тлела та самая, опасная и необъяснимая искра — навязчивое воспоминание о его взгляде, том самом, который видел в ней не предмет, не угрозу, но Чудо. Даже теперь, после всего этого. Особенно теперь.

Глава 3

Янэс иль Филь

Сознание закружилось, поплыло в золотом, ядовитом мареве. Я стояла, вцепившись в складки своего одеяния, пытаясь удержать в себе рассыпающуюся на части реальность. Пространство вокруг было ослепительно прекрасным и — мучительно чуждым. Солнечный свет, неправдоподобно яркий, агрессивно живой, бил в высокие витражи сплошным, безжалостным потоком, режущим глаза до физической боли, до тошнотворного головокружения. Каждый луч обжигал роговицу, будто стремясь выжечь из памяти саму возможность тьмы, вытравить последние воспоминания о сыром камне подземелья. А вокруг — буйство жизни, тихое, пышное, невозможное. Цветы были повсюду: нежные, томные пионы, отягощенные собственной красотой; синие колокольчики, будто отлитые из осколков забытого неба; лилии с опьяняющим, приторным ароматом, кружащим голову. Они дышали, существовали, кричали о жизни в этом месте, где её, по всем законам мироздания, быть не могло. Эта комната, роскошная, воздушная ловушка, была не клеткой — она была издевательством, воплощённой насмешкой над всем, чем я была.

Я зажмурилась, но свет пробивался сквозь тонкие веки, окрашивая мир в кроваво-красные, пульсирующие пятна. Дышать стало нечем. Нужно было остановить эту пытку, немедленно, любой ценой. Рука поднялась сама, повинаясь глухому, животному инстинкту выживания. Магия... всегда дававшаяся с трудом, скрипящая, как не смазанный механизм, теперь отозвалась на отчаяние. Я сосредоточилась не на свете — а на стекле, на самой его сути. Представила его не окном, а раной в мире, которую нужно закрыть, защитить непроницаемой тканью. Не тьмой — она была бы предательством, уступкой его природе, — а поглощением, абсолютным, немым, чёрным как смоль забвением. «Затворись», — хрипло выдохнула я, и слово было не командой, а мольбой.

И окно — повиновалось. Оно не потемнело, умерло. Стекло вмиг поглотило само себя, превратившись в матовую, глухую плиту, безжалостно поглотившую нацеленный в него солнечный клинок. Комната погрузилась в благоговейную, тяжёлую полутьму, где единственным светом теперь было призрачное, внутреннее свечение самих цветов. Я рухнула на колени, дрожа, как в лихорадке, на мягком, бесстыдно роскошном ковре, где узоры звёздной карты казались особенно жестокой шуткой.

Здесь было всё, что может услаждать взор, слух, осязание. Шёлк, бархат, перламутр; книги в золочёных переплётах, повествующие о далёких землях и свободе; музыкальные инструменты, готовые издать томные звуки; вазы с фруктами, источавшие дразнящий аромат. Это была тщательно продуманная иллюзия рая, возведённая вокруг пустоты. Клетка, сплетённая из лепестков и шёпота.

Еду принесли безмолвно, как подношение духу. Слуга, лицо скрытое, поставил передо мной яства, достойные пиршественного зала: сочное мясо в хрустящей корочке, овощи, сверкающие каплями росы, тёплый хлеб, пахнущий солнцем и зернами. Запах, знакомый и давно забытый, поднял волну тошноты. Горло сжалось в тугой, непроходимый узел, это был не голод, а последний, отчаянный бунт тела, отказывающегося принять подачку от тюремщика, стать частью его устроенного, прекрасного ада. Я оттолкнула поднос, чувствуя, как внутри всё обрывается, пустеет.

И только когда щелчок магического затвора за дверью отрезал меня окончательно, и в роскошной тишине не осталось ни единого чужого вздоха, — рухнули последние укрепления. Маска ледяного спокойствия, за которую я цеплялась всеми силами, треснула, рассыпалась в прах, и под ней открылась изъязвлённая, кровоточащая бездна. Боль пришла не волной — обвалом, погребая под собой всё. Плечо, ударенное о камень, ныло теперь глубокой, тупой

агонией, которая буравила кость, разливалась огнём по каждому нерву, превращая простое дыхание в испытание.

Старые раны, те самые, что Агатињес оставила на мне как свои клейма, — шрамы от серебряных плетей на спине, плохо сросшаяся ключица, ноющее колено, — все они воспалились разом, напомнив о каждом ударе, каждом унижении. Но это была лишь прелюдия. Главная пытка жила глубже, там, где когда-то были крылья.

Они начали расти в семь лет — два хрупких, нежных обещания, покрытых перламутром и светом. Они были частью меня, мечтой, заложенной в самой плоти. И они же стали моей гибелью. Королева Агатињес, назвавшая меня внучкой, смотрела на них не с любовью, а с холодным, бесчеловечным любопытством учёного, рассматривающего редкий, опасный экспонат. А потом — с леденящей душу решимостью палача. «Нельзя», — произнесла она тогда, и это слово прозвучало как приговор всему миру. «Летать тебе не положено. Свобода — не твой удел». И она не отрезала, оторвала. С живым хрустом сухожилий, с рвущимся из горла немым криком, который она заперла в нем заклятьем. Оторвала и бросила в пожирающее пламя, где моё будущее сгорело с тошнотворным запахом палённого перья и детских надежд. Тринадцать лет. Тринадцать долгих лет пустота на спине не зарастала, не забывалась. Она ныла, сверлила, грызла изнутри — фантомная боль отсутствующей конечности, которая мучительнее любой реальной раны. Особенно здесь, в этой позолоченной клетке, которая так отчаянно напоминала о том, чего у меня больше никогда не будет.

Не сдержалась, не смогла. Свернувшись на том самом ковре, под призрачным светом чужих цветов, я позволила себе распахнуться. Руки обхватили колени, вжавшись в тело, пытаясь сдавить, скомкать эту невыносимую боль, но тщетно. Она была повсюду. И тогда хлынули слезы, не тихие струйки — а слепой, яростный, сокрушительный поток, прорывающий плотины. Они лились беззвучно, горячие и солёные, заливая лицо, впитываясь в дорожную шерсть, смывая последние следы достоинства. В этом беззвучном рыдании была вся ярость, весь страх, вся беспомощность заложницы, которую вновь, уже в который раз, загнали в угол, отняв даже право на собственную боль.

«Снова... — прошептало что-то внутри, заглушаемое рокотом собственной крови в ушах. — Снова пленница. За что? За какие грехи я обречена на этот вечный цикл страданий, на эту милость, которая хуже любой пытки?»

Я лежала, безвольная, разбитая, истекающая горем на персидский ковёр в клетке из шелка и снов, позволив боли разорвать себя в клочья — потому что только так, только в этом полном распаде, ещё теплилась горькая, отчаянная искра того, что когда-то было мной. Девушкой с крыльями. Которой больше нет.

Я не знаю, сколько лежала, потеряв счёт времени — минуты, часы или вечность. Сознание, разбитое на осколки боли, блуждало где-то в серой пустоте, лишённой формы и протяжённости. И лишь холод пола, пробивавшийся сквозь ковёр, да оглушительное молчание роскошной клетки, наконец прорезали эту онемевшую пелену.

Собрав последние, крошечные, едва тлеющие силы, я поднялась. Движения были тяжёлыми, лишёнными воли, словно моим телом управляла чужая, дремучая инерция. Дойдя до резной арки, завешанной шелками, я откинула ткань и замерла на пороге.

Это называлось ванной комнатой, но она была пещерой. Гротом из тёплого, живого камня, где по стенам, словно слёзы самой горы, струились тонкие ручейки горячей, пахнущей серой и мхом воды. Она тихо журчала, собираясь в ручейки, а затем вливалась в огромную, почти бездонную купель посередине, наполненную до краёв водой молочно-белого, непрозрачного оттенка, усеянную лепестками роз и пионов. Их душистый след был везде — и в воздухе, и в этой странной воде.

Опять цветы, — бессильно, без эмоций, отметил усталый разум. Кажется, даже воздух здесь пропитан их приторным саваном. Но мысли были тусклыми, вязкими. Анализировать, возмущаться — на это больше не оставалось ничего.

Только жажда физического растворения, чтобы эта странная вода смыла с кожи липкий пот страха, соль высохших слёз и — если повезёт — хоть на миг приглушила глухое, фантомное нытьё в спине.

Я растянула одеяние — роскошное, чужое — и оно мягко, с шелестом, соскользнуло на пол. Теперь я была просто телом, израненным, измученным сосудом для боли. Оставшись нагишом перед тёплым дыханием пещеры, я сделала последний шаг и погрузилась в молочную воду.

Тепло обняло мгновенно, плотно, как вязкая, живая плоть. Оно проникло в самые холодные, заостреневшие от страдания уголки. Лепестки прилипли к коже, к волосам. Голова откинулась на гладкий камень края, глаза закрылись. Тишина вокруг стала иной — не давящей, а утробной, водной. Звук собственного дыхания, эхо сердцебиения в ушах — вот и всё, что осталось от мира. Вода приняла в себя тело, и на миг показалось, что она принимает и боль, растворяя её в своём белом, ничего не помнящем мраке.

Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый

Дверь в покои была приотворена, не на физическую, материальную щель — а на просвет в самой ткани пространства. Магия обволакивала его, как вторая кожа, тихое, невидимое крыло — полное исчезновение и безмолвие. Его присутствие внутри этой мощной пелены было невозможно уловить никаким чувством, она стирала не только образ и звук, но и самую мысль о наблюдателе из воздуха. Он стоял в тени, у арки, отделявшей покой от грота с источником, и смотрел.

Король не знал, что она только что рыдала, что её трясло от горя и боли. Он видел лишь результат: опустошённую тишину в её движениях, тупую покорность в опущенных плечах. Она была похожа на призрак, бледный и прозрачный, лишённый даже энергии для страдания. Это зрелище — не ярости, не борьбы, а полной капитуляции — вызвало в нём не жалость, а странное, холодное удовлетворение. Так. Правильно.

Он наблюдал, как она, не глядя по сторонам, погружается в молочную воду, как обволакивает белым саваном, скрывая синяки и бледность, но подчёркивая изгибы. Её движения под водой были медленными, почти сонными. Рука поднялась, и пальцы, длинные и изящные, провели по собственному горлу, смывая невидимую грязь. Потом другая рука скользнула по плечу, по предплечью, омывая кожу с какой-то удивительной, неосознанной нежностью, будто жалея само это тело. Его взгляд, острый и всевидящий под покровом невидимости, скользил за этими касаниями. Он изучал линию шеи, уязвимую и прекрасную, изгиб ключицы, тонкий, как у птицы, плавные повороты запястий. Он видел, как вода обрисовывает скрытые формы груди, изгиб талии, длину ног. Даже в этом состоянии полного истощения в ней была врождённая грация, чуждая, не от мира сего. Грация существа, для которого эта роскошь — клетка.

Он рассматривал её, как рассматривают редкую вещь, внезапно оказавшуюся в полной власти. И тело его, вопреки холодному расчёту ума, отозвалось на это зрелище. Тепло разлилось по низу живота, знакомое, тяжёлое возбуждение. Ему нравилось это, нравилась её беззащитность. Нравилось, что она здесь, в его воде, под его взглядом, и ничего не подозревает. Это была власть в её чистейшем, самом интимном виде. Но сегодня не для действий, только для наблюдения. Для того, чтобы насладиться самой возможностью. Семя контроля было посеяно, и он был терпеливым садовником. Урожай, созревший в страхе и покорности, будет куда слаще. Он постоял ещё мгновение, вдыхая влажный, цветочный воздух, смешанный теперь с чистым запахом её кожи и воды. Потом, не сделав ни звука, не оставив и намёка на своё присутствие, он развернулся и растворился в тени коридора. Дверь сомкнулась без щелчка. Он ушёл, унося

с собой образ белого тела в белой воде и тлеющее внутри возбуждение — сладкий аванс на будущее.

Глава 4

Сон не приходил. Даже в благодетельной темноте, которую она сама и создала, мысль не находила покоя. Она лежала на огромной кровати, утопая в чужих шелках, и смотрела в зачерненный потолок. А перед глазами, наяву, стояли другие лица, другой зал, другие печати, поставленные на её судьбе.

Воспоминание нахлынуло, неумолимое и четкое, как узор на лезвии.

Король Феанор ли Морнэмир, её дед, восседал на троне из слоновой кости и лунного камня. Его лицо, когда-то прекрасное, теперь было похоже на ледяную маску, изрезанную морщинами неприязни. Рядом — бабушка, королева Агатиньес иль Филь, с тонкими, плотно сжатыми губами, в глазах — бездонный холод, глубже и страшнее любого озера. Их взгляды, полные отвращения и долга, который они считали несмываемым позором, буравили её, стоявшую посередине зала в простом сером платье.

«Янэс, — голос Феанора звучал, как скрип льда, — династические интересы Мильхэлья требуют жертв. Ты совершишь их.»

Она стояла, как статуя. Не от гордости — от окаменевшего ужаса. *Стоять прямо*, — шептала бабушка Агатиньес ей в детстве, поправляя плечи. *Не сутулься, как глупое дитя*. Они ненавидели, когда она «стояла так», опустив голову. Но и стоять с высоко поднятым подбородком, как принцесса, для них было ещё большим кощунством. Она была живым укором, ошибкой, пятном. Их любимый сын, её отец, принц Дарниэль, пропал без вести, вместе с ее матерью, существа из Призрачного Племени, духа лунного света и туманов. Вернулся только слуга — с младенцем на руках, чужеродное дитя — наполовину эльф, наполовину призрака.

«Ты вступишь в брак с королем соседних земель, Арадделом. Это укрепит наши восточные границы», — продолжал Феанор, не глядя на неё, словно диктовал приказ писцу.

В её уме метнулась отчаянная мысль — мысль о бегстве, о помощи. *Материнское племя...* Но это было детской фантазией, разбитой много лет назад. Она пыталась, еще ребенком, через сны и ритуалы, достучаться до Призрачного Племени. Ответ пришел — холодный, беззвучный, как ветер в пустых пещерах. «Чужеродная кровь, ты не наша. Мы не примем такую королеву, не простим исчезновения Любимой Луны». Её мать исчезла, родив дитя, племя винуло в этом её, полукровку. В спасении ребенка они не были заинтересованы.

Выбора не было. Никакого. Либо этот брак — либо, как намекнула Агатиньес, не повышая голоса, почти ласково, возвращение в семейный склеп, «на вечное хранение», в цепи и подземную тьму, где она, не дыша, провела большую часть детства, боясь шевельнуться, чтобы камень не зашевелился, а тени не стали когтями. Замужество казалось тогда меньшим из зол. Хрупкой соломинкой, которую можно попытаться удержать, пока она не пронзит ладонь.

«Если бы я только знала...» — пронеслось сейчас в её темноте, и зубы сжались так, что кость челюсти заныла, закричала внутри. Если бы я знала, каков мой супруг, выбрала бы цепи, цеплялась за них, умоляла о склепе, о пыли, о вечной немоте. Я бы выцарапала на каменных стенах: «Здесь лучше».

Свадьба прошла как кошмарный, туманный мираж, который всё же оставлял на коже следы: давящая тяжесть церемониальных одежд, похожих на парадные доспехи, запах чужих благовоний — пряный, горький, как смесь похоронных трав, ледяное прикосновение кольца, которое не обжигало, а замораживало кровь в пальце. Она помнила безразличные лица гостей, смотревших на редкий экспонат, на диловинку; помнила голос жреца, бубнящий что-то о долге и союзе, словно он читал надгробную речь над её ещё живым сердцем. А потом была ночь, выжженная кислотой в памяти до белого, стёртого пятна, окружённого ранами, которые не заживали. Её привели в покои Араддела. Он ждал, уже выпивший, с тяжёлым, похотливым блеском в глазах, похожих на мёртвые угли. Он не стал ждать, не стал говорить, не стал даже

глядеть — он просто повалил её на кровать, огромный, тяжёлый, пахнувший потом и вином, пахнувший властью и скотским удовлетворением. Платье, тончайший шёлк, затрещало под его руками, как гнилая ткань, как её собственная жизнь. Его прикосновения были не ласками, а обследованием собственности, грубыми, жаждущими обладания, метками, которые он ставил на товар. Он не видел в ней любимую, только в вещь, на которую он имел право, которую можно было разобрать, чтобы убедиться в целостности покупки.

Боль была острой, разрывающей, унижительной — не просто физической, но духовной пыткой, когда душа кричит, но звук заперт в горле колючим комом льда. Она не кричала, воздух застрял в горле, стал ледяной пробкой, затыкающей все выходы. Она смотрела в балдахин над кроватью, узоры на котором плясали и двоились от слёз, которые так и не выступили, которые замерзли внутри, превратившись в острые кристаллы, режущие всё, что ещё было живым. Внутри был только немой, всепоглощающий ужас, превращающий душу в лёд, в камень, в ничто, в пустоту, которая всё чувствует, но ничего не может изменить. Он закончил быстро, с хриплым удовлетворённым стоном, похожим на звук разрываемой ткани. И тогда, не глядя на неё, не позволив ей пошевелиться, содрогнуться, вздохнуть, он поднялся, поправил халат, как будто только что завершил деловую встречу. Подошёл к двери, распахнул её. И впустил их, двух, трёх его приятелей, таких же знатных, таких же пьяных, с такими же плотоядными ухмылками, которые говорили о том, что они знали, что они ждали, что они уже разделили её между собой в своих мыслях.

«Гости на свадьбе должны получить свою долю веселья, не так ли?» — прозвучал его голос, глухой и чужой, как звук из подземелья.

Они смеялись. А потом были их руки, их дыхание, их тела — всё это стало инструментами пытки, которые не просто причиняли боль, но разрушали последние понятия о границах, о том, что можно и нельзя. И снова боль, уже другая, уже от многих, уже невыносимая, смешанная с отвращением, от которого хотелось вывернуться наизнанку, от которого душа пыталась выскользнуть из тела, как из грязной одежды. Она отключилась, сознание, не в силах вынести это, ушло вглубь, в тёмную, глухую шахту, оставив тело на растерзание, на растерзание...

Утром её нашли слуги. Синяки, кровоподтёки, разорванное в клочья платье — всё это было лишь внешним свидетельством того, что произошло внутри. И пустые, сухие глаза, смотревшие в никуда, глаза, которые уже не отражали света, потому что свет внутри был потушен, раздавлен, выброшен в мусор вместе с её самой. Слёз не было, их выжгли дотла, как выжигают пустошь, чтобы ничего не смогло там вырасти никогда. Иногда, в самые тёмные минуты, до этого плена, она думала: почему они её ненавидят? Что она сделала, просто появившись на свет, просто вдохнув первый воздух, просто открыв глаза? И ответа не было. Только ледяное отчуждение в глазах Феанора и Агатињес, только цепь унижений, каждое звено которой было холоднее и тяжелее предыдущего. Она и сама хотела бы расстаться с жизнью. Не раз, но не могла. Полукровка, помесь духа и эльфа, она была проклята не только своей чуждостью, но и странной, упрямой жизнестойкостью, которая, словно издеваясь, сохраняла тело, но отпустила душу на растерзание. Ни яд, ни падение, ни лезвие — ничто не брало её. Тело заживало, душа — нет, душа оставалась открытой раной, которая лишь кровоточила, но не закрывалась. А жаль, — думала она тогда. А жаль...

Это воспоминание, живое и рубцеватое, лежало на ней теперь тяжелее каменных плит склепа, тяжелее всех золотых украшений этого нового плена. Оно объясняло холодный ужас при виде роскоши, отвращение к прикосновениям, глухое недоверие ко всему, что выглядит как доброта, как внимание, как тепло. Каждая клетка её тела помнила ту ночь, помнила предательство тех, кто должен был защищать, и жестокость тех, кто получил право обладать, получил право уничтожать. Она повернулась на бок, вжавшись лицом в прохладную шёлковую наволочку, которая казалась теперь не мягкой, а холодной, как каменная плита склепа. Там, в про-

шлом, не было выхода. Здесь, в этой новой клетке, его тоже, казалось, не было. Но там, в прошлом, она не могла погасить окна, не могла создать хоть кроху темноты для своей израненной души, которая жаждала не света, но покрова, не зрения, но забвения.

Здесь — могла.

И в этой тихой, чёрной, созданной её собственной волей темноте таилось семя чего-то нового. Не надежды — слишком рано для надежды, слишком много ран, слишком много крови. Но ярости. Немой, холодной, копящейся ярости, которая росла не как пламя, но как ледник, медленно, неумолимо, готовый однажды двинуться и сокрушить всё на своём пути. Она сжала кулаки под одеялом, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, как боль от этого становится знаком, отметкой, началом.

Воспоминание было печатью, печатью, которая закрывала её в прошлом, в прошлом, которое было тюрьмой. Но печать можно сжечь. Или разбить. Или растворить в той ярости, которая теперь начинала пульсировать в её крови, тихо, но неуклонно. Янэс лежала на огромной, чужой кровати, утопая в перинах, которые казались не мягкими, а вязкими, как болото. Её тело, закалённое годами на каменном полу склепа, отторгало эту роскошь. Каждый мускул был напряжён, сканируя пространство на предмет скрытой угрозы. Единственным источником света в покоях была одна свеча в толстом медном подсвечнике у дальней стены. Её неровное, пляшущее пламя отбрасывало на стены и потолок гигантские, уродливые тени, которые колыхались и сплетались в чудовищные фигуры. Но Янэс смотрела не на них. Её взгляд был прикован к высокому окну. Стекло, покрытое снаружи плёнкой ночной влаги и копоти изнутри, почти не пропускало свет. Оно стало чёрным, непроницаемым зеркалом. В его глубине, в обрамлении свинцовых переплётов, мерцало смутное отражение: бледное лицо и распущенные по подушке волосы, цвета первого зимнего инея, абсолютно белые, сияющие в полумраке призрачным свечением. Они казались ещё белее, ещё нереальнее на фоне тёмной ткани и её собственной мертвенной бледности. В отражении её глаза — огромные, тёмные, почти бездонные — смотрели на саму себя с холодным, отстранённым любопытством чужого существа.

Здесь можно гасить свет, — напомнила она себе, и мысль эта была глотком воздуха. Но тьма за зеркалом-окном была чужой, враждебной, полной незримых угроз.

И тогда сквозь толщу камня, сквозь резные дубовые панели, донеслось. Сначала — приглушённый смешок, затем шорох тканей, сдавленный вздох, который тут же перерос в протяжный, нарочито томный стон. Женский. Пропитанный такой искусственной, ремесленной страстью, что по спине Янэс пробежала волна не смущения, а острого, почти физиологического отвращения.

— О да... мой господин... — прошипел голос, нарочито хриплый, старавшийся быть соблазнительным. — Да... вот так... Господин... вы... вы великолепны! — взвизгнула наложница уже на полную силу, и в этом крике не было экстаза. Была демонстрация. Старательная, отчаянная попытка докричаться, проникнуть, растопить. Попытка достичь того, кто, вероятно, принимал эти ласки с тем же выражением скучающей усталости, с каким подписывал указы. Понимание ударило, как обухом по голове, смывая последние остатки иллюзий. Женщина за стеной отчаянно играла роль, пытаясь выжать из каменного короля хоть искру — одобрения, похоти, простого человеческого внимания. А он... Он, должно быть, лишь терпел. Как терпел докучливый скрип двери или надоедливый лай собак на псарне. Её старания разбивались о его ледяное, абсолютное безразличие, становясь таким же фоновым шумом. Ещё один стон, уже отчаянный, с фальшивой нотой, пробился сквозь стену. Янэс медленно закрыла глаза, но не чтобы уснуть. Чтобы лучше слышать. И в каждом этом искусственном вздохе, в каждой вымученной похвале она слышала отзвук собственного будущего в этих стенах. *Спать,* — констатировал внутренний голос, сухой и без эмоциональный, как скрип пергамента. *Отдохнуть здесь будет очень сложно.*

Глава 5

Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый

Король Финсельбурка, Владыка Северных Земель, проснулся ещё до того, как первые, жидкие лучи рассвета коснулись острых шпилей его замка. Сон давно перестал быть для него убежищем; он был лишь коротким, беспросветным промежутком небытия между одинаково утомительными днями. Король лежал на спине, уставившись в темноту балдахина, и слушал тишину. Глухую, полную, но уже не совершенную – где-то далеко, внизу, в кухонных подвалах, начиналась жизнь: глухой стук, приглушённые голоса. Его королевство просыпалось, чтобы снова закрутиться в бессмысленной, шумной суете.

Он встал, и холодный воздух покоев обжёг кожу. Движения его были отточенными, лишёнными лишней траты энергии. Одевался он сам, без помощи слуг – их присутствие, их дрожащие руки и испуганные взгляды, раздражали его куда сильнее, чем неудобные застёжки на камзоле. Когда он вышел в приёмную, советники уже ждали, застыв в почтительных, но нервных позах. Их доклады полились нескончаемым, монотонным потоком: споры о границах, жалобы купцов, отчёты о сборах, прошения о милостях. Он слушал, кивая или бросая односложные указания, а в душе его нарастала та же знакомая, гнетущая скука. Все эти слова, все эти проблемы казались ему деталями огромного, плохо смазанного механизма, который он был обречён день за днём подталкивать, просто чтобы он не остановился окончательно.

Именно в этот момент, когда его терпение было уже на исходе, стража ввела того самого раба. Мужчину лет пятидесяти, в грязной, пропахшей потом холщовой робе, с жалкой, подбострастной ухмылкой на небритой физиономии. Вина его была ничтожной – попытка утаить горсть зерна из общего амбара. Мелочь. Пылинка.

– Ваше Величество, – залебезил раб, падая вниз, но тут же поднимая взгляд, полный гнусной надежды. – Вы такой благородный, такой справедливый, вы должны понять... это было вынужденное... голод толкнул, семью кормить нужно было...

Король не дал ему договорить. Он медленно поднял руку, и этот жест, исполненный ледяного спокойствия, был страшнее любого крика. Тишина в зале стала абсолютной, давящей.

– Ложь, – прозвучал его голос. Тихий, ровный, но такой, что у каждого в зале похолодело в груди. Он не повышал тона, в этом не было нужды. – Отборная, наглая ложь. Мои управители рассчитывают пайки так, чтобы хватало. Чтобы не было излишеств, но и не было нужды. Каждому – поровну, по справедливости, которую ты, видимо, счёл глупостью. Или, – он сделал микроскопическую паузу, и в этой паузе повисла вся тяжесть невысказанной угрозы, – тебе нужно больше, чем другим? Ты считаешь себя... особенным?

Раб побледнел, его грязная улыбка застыла, превратившись в маску ужаса. Он замотал головой, забормотал, путаясь в словах: – Нет-нет, о, нет, Ваше Величество, я не это... я не это хотел сказать, о, добрейшее, великодушнейшее Величество! Я... я лишь надеюсь на вашу справедливость, на ваше милосердие, за столь ничтожный, жалкий проступок...

Он снова попытался улыбнуться, но получилось лишь жалкое, похожее на судорогу, подёргивание губ.

Король наклонился вперёд, опершись локтями о ручки трона. Его лицо, обычно бесстрастное, как маска, теперь исказила тонкая, леденящая душу усмешка. Не злая, не гневная. Абсолютно пустая. Как будто он наблюдал за букашкой, которая осмелилась ползать не в том направлении.

– Я... добрый? – произнёс он, растягивая слова, и каждый слог падал, как капля яда. – Я... великодушный? А проступок твой... мелкий?

Если бы тон голоса или взгляд могли убивать, то от раба на полированном полу осталось бы лишь мокрое, дымящееся пятно. В глазах короля не было ни гнева, ни ярости. Там

было лишь бесконечное, всепоглощающее презрение к самой попытке что-либо выпросить, что-либо объяснить. Эта наглая лесть, это жалкое виляние – всё это было частью того же шума, той же пошлой, унижительной суеты, что наполняла его дворец.

Его терпение лопнуло. Не со взрывом, а с тихим, окончательным щелчком.

– Стража! – его голос, наконец, приобрёл металлический, режущий слух оттенок. – Возьмите эту... тварь.

Он встал, и его фигура, прямая и жёсткая, казалась, отбрасывала более густую тень, чем все остальные в зале.

– Вырезать ему глаза, чтобы более не смел смотреть на то, что ему не принадлежит. И оторвать язык, чтобы не смел лгать и лстить. Сделать это на площади, при народе. Пусть видят. Пусть запомнят.

Он сделал шаг вперёд, и его холодный, пустой взгляд скользнул по бледным лицам придворных, застывших в оцепенении. Кровь в их жилах, казалось, действительно замерла, превратившись в лёд.

– А теперь, – продолжил он тем же ровным, бесстрастным тоном, словно отдавал распоряжение о подаче завтрака, – приведите ко мне нашу... гостью. И пусть ваше усердие не знает границ. Если она ещё спит... – он снова усмехнулся, и эта усмешка была страшнее любого оскала, – то вытащите её из постели. Голую, сонную, в чём есть. Мне всё равно! Приведите, сейчас же.

Янэс иль Филь

Рассвет окрасил шпили Финсельбурка в пепельно-розовый свет, за которым Янэс наблюдала, неподвижно стоя у окна. Её белые, как первый иней, волосы были аккуратно заплетены в тугую, неумолимую косу, а на теле — простое, но чистое платье из грубого серого льна, выданное служанкой накануне. Она не спала, ночь прошла в молчаливом, напряжённом наблюдении за тенями на стенах и в слушании тишины, которая после полуночи стала ещё звонче, ещё более многозначительной. Тело ныло от усталости, но разум был ясен и холоден, как лезвие, закалённое в горне бессонницы.

Вид, однако, прекрасен, — отметил её внутренний голос, без восторга и сантиментов, город внизу, медленно пробуждающийся в утренней дымке, с его крышами, улочками и бледными огнями фонарей, казался искусной, тончайшей гравюрой, красивой, бесспорно, но абсолютно чужой, как орнамент на решётке клетки для узника, вызывающий признание мастерства, но не пробуждающий иллюзий свободы.

Эти размышления, холодные и методичные, словно расстановка фигур перед неизбежной битвой, прервал стук в дверь — робкий, но настойчивый, зловещий в своей тишине.

Вошедший слуга, пожилой, с лицом, испещрённым морщинами, словно карта постоянной тревоги, низко, почти до пола, склонился. — Леди Янэс... Его Величество требует вашего присутствия, немедленно.

Она медленно оторвалась от созерцания города, повернулась к нему, её движения были плавными, лишёнными суеты. — Хорошо, пойдём.

Сделав шаг, она заметила, как слуга замер, а на его лице отразилось немое, почти комичное удивление, его глаза, привычно полные страха, расширились от недоумения. Остановившись, она слегка наклонила голову, ледяное спокойствие в её взгляде не дрогнуло. — Что-то не так?

Слуга сглотнул, заерзал, его пальцы нервно перебирали край камзола. — О, нет, леди, простите... просто... вы даже не спросили... ничего.

В его голосе сквозил не просто испуг, а смутное беспокойство, будто привычный порядок вещей, тот порядок, где все дрожали, умоляли или пытались выяснить что-то с дрожью в голосе, дал трещину. Янэс позволила себе лёгкий, почти невидимый кивок. — Я, как и вы, служу нашему господину, — произнесла она чётко, и в этих словах была лишь холодная, фак-

тологическая констатация, — а в нашей сфере, как известно, вопросы неуместны, они лишь тратят время Его Величества.

Сказав это, не ожидая ответа, склонясь в коротком, формальном поклоне — не рабыни, а скорее солдата, — она быстрым, решительным шагом вышла из комнаты, оставив слугу в недоумении на пороге, её походка была прямой, спина негнувшейся, Янэс не шла на казнь, а на очередную аудиенцию в бесконечной череде.

Коридоры замка, сегодня казавшиеся красивыми под солнечными лучами, пробивавшимися сквозь витражи и рисовавшими на плитах разноцветные пятна, не обманывали её показной красотой, её резал приторный, удушающий запах цветов в нишах — сладкий, навязчивый, словно маскирующий более глубокий запах тления.

Тронный зал встретил её тем же холодным величием и тем же королём, который сегодня, однако, не сидел, а полулежал, развалившись на звериных шкурах с нарочитой небрежностью, демонстрирующей абсолютное, скучающее превосходство, его костюм из чёрной, матовой кожи, усыпанный камнями тёмно-синего, почти чёрного оттенка, поглощающими свет, делал фигуру ещё более зловещей.

Его взгляд, скользнувший по ней как по предмету, был тем же — скучающим, тяжёлым, она подошла, остановилась, совершила формальный поклон, тишина в зале стала гулкой, наполненной невысказанным ожиданием придворных, затаивших дыхание.

И тогда, прямо в эту тишину, словно лезвие, разрезающее шёлк, упал его голос, чёткий, грубый, лишённый даже намёка на вопросительную интонацию, простой, беспощадный приказ, произнесённый так тихо, что долетел лишь до её ушей, но его эхо застыло в ледяном воздухе зала: — Раздевайтесь.

Глава 6

Янэс иль Филь

Я стояла, и время вокруг, казалось, загустело, превратившись в тягучую, липкую смолу, в которой тонул каждый стук моего сердца – громкий, нелепый, предательский. Его слово – «раздевайся» – висело в воздухе не звуком, а физической субстанцией, холодным лезвием, приставленным к горлу. В ушах зашумела тишина, та особая, оглушающая тишина, что рождается не от отсутствия звуков, а от их полного, всепоглощающего значения.

Мой разум, тот самый, что только что с холодной ясностью наблюдал за городом, мгновенно раскололся. Одна его часть, маленькая, затравленная, металась в панике, цепляясь за грубую ткань платья, словно за последний щит. Другая – холодная, расчетливая, уже оценивала обстановку: расстояние до дверей, безнадежно, выражение лиц стражников, каменное, легкую, почти невидимую ухмылку в уголках губ Его Величества. Улыбка, наблюдающего за интересным экспериментом.

«Соппротивление бесполезно», – прошелестел внутренний голос, тот самый, что говорил о красоте вида. «Бесполезно, болезненно и глупо. Он ждет, хочет увидеть, как ломается эта ледяная маска».

Движения моих рук, когда я потянулась к застёжке на плече, были неестественно медленными, будто мне приходилось преодолевать невидимое сопротивление самой атмосферы. Каждое прикосновение пальцев к ткани было пыткой, чувствовала, как под грубым льном просыпается, жаждет вырваться наружу тайна моего тела – не целомудрие, нет, что такое целомудрие для того, кто вырос в тени склепа? Нет, шрамы, паутина старых, белых линий, карта боли и насилия, выжженная на коже. Следы когтей лесных тварей, ожоги от магических всплесков, глубокие порезы от ножей тех, кто боялся моей крови. Для него, для этого короля в его кожаном уборе из ночи и сапфиров, я была эльфом. Существом из сказок, нетронутым, совершенным. Разбить эту иллюзию – значило разбить единственный, хрупкий щит, который у меня пока что был.

И тогда, пока мои пальцы расстегивали пряжки, а разум металась в поисках хоть какой-то отсрочки, я обратилась внутрь. К той части себя, что была от матери-призрака. Не к силе, нет – к тихому, извращенному искусству иллюзий, которое называлось «игрой со светом». Это была не мощная магия, а тончайшая вуаль, лессировка для реальности. Я сосредоточилась на ощущении кожи под тканью, представила ее гладкой, как полированный мрамор, холодной и безупречной, как фарфоровая статуэтка. Вплела в воздух вокруг себя дрожащий, едва уловимый свет, заставила его ложиться на тело не тенями, подчеркивающими неровности, а ровным, сияющим потоком, смывающим все изъяны. Это стоило мне невероятного напряжения, каждая секунда поддержания иллюзии высасывала силы, словно пиявка, но платье сползло с плеч, падало на холодный камень пола беззвучным серым облаком, показывая перед ним не изуродованную жизнью полукровку, а видение. Призрак неземной красоты, будто сошедший с гобеленов, изображавших древних эльфийских дев.

В зале повисло мертвое молчание, даже дыхание придворных замерло. Я стояла, голая, в кольце этих алчных, испуганных, любопытных взглядов, чувствуя, как иллюзия дрожит по краям, требуя все больше сил, а по спине, под невидимым для них слоем лживого света, бежал ледяной пот.

Король медленно, лениво приподнялся с локтя. Его скучающий взгляд оживился, в нем не было похоти. Был интерес коллекционера, нашедший редкий, невиданный экземпляр.

– Очаровательно, – произнес он наконец, и его голос, низкий, бархатный, звучал как скрежет стали по шелку. – Я слышал легенды о белизне эльфийской кожи, сравниваемой с лунным светом... но видеть такое совершенство во плоти... Это превосходит все ожидания.

Он сошел с трона, не спеша, каждый его шаг отдавался в моей груди глухим ударом. Он подошел так близко, что я почувствовала исходящее от его кожи холодное тепло и удушливый запах дорогих духов, смешанный с металлом. Его палец, холодный и сухой, как змеиная кожа, коснулся моего плеча. Я не дрогнула, не позволила себе дрогнуть. Он поводил пальцем вниз, по несуществующей глади моей руки, его пристальный взгляд изучал каждую, созданную иллюзией, линию.

– Абсолютно безупречно, – прошептал он, и в его шёпоте слышалось издевательское восхищение. – Ни пятнышка, ни родинки. Будто вырезано из единого алмаза. Ваш народ, должно быть, тщательно оберегал такое сокровище. Как жаль, что он вымер.

В его словах не было ни капли сомнения, он видел то, что хотел видеть. Красивую, странную вещь, игрушку. Боль в моей груди от этих слов, от его прикосновений к ложной коже была острее любой физической пытки. Он восхищался иллюзией, попирая ногами скрытую под ней правду. И даже не подозревал об этом, для него я была просто... эльфом.

– Но даже алмаз может разбиться от неосторожного обращения, – продолжил он, наконец отводя руку. Его взгляд скользнул по моему лицу, выискивая трещины в моем спокойствии, я не дала ему их найти. – Одевайтесь.

Приказ прозвучал так же просто, как и первый, без объяснений, без причины. Я, не сводя с него глаз, наклонилась, подняла платье. Ткань, грубая и реальная, была шокирующим контрастом после невесомости иллюзии. Одеваясь, я чувствовала, как шрамы под тканью жгут кожу, будто стыдась своего существования.

Когда последняя пряжка была застегнута, он уже вернулся на трон, снова приняв позу расслабленного хищника.

– Теперь, моя прелестная гостья, у вас будет занятие, – объявил он, и в его голосе зазвучала игривая, жестокая нота. – Вы лично проследуете на королевские кухни, убедитесь, как именно повара, дрожа от благоговения, готовят мой утренний завтрак. Вы проследите за каждым движением, за каждой щепоткой соли, и затем подадите его мне здесь. Своими руками. Понятно?

– Понятно, Ваше Величество, – мой голос прозвучал ровно, как отзвук его собственного.

– И с этого момента, – он продолжил, наслаждаясь каждой секундой, – и до поздней ночи вы не отойдете от меня ни на шаг, будете присутствовать на всех аудиенциях, советах, переговорах, ваше место здесь, рядом. Мне нравится, как холодный свет из окон играет на ваших... идеальных чертах. Он успокаивает нервы.

Так начался мой день, растянувшийся в бесконечную, изощренную пытку присутствием.

На переговорах с послами я стояла за его троном, статуей, впитывая в себя жадные, оценивающие взгляды мужчин и испуганные – женщин. Видела, как его тон, ледяной и насмешливый, ломал волю гордых лордов, как он играл их амбициями, как словами, острыми словно бритва, рассекал самые хитроумные дипломатические уловки. И все это время я должна была стоять неподвижно, дыша ровно, не позволяя ни единой мышце дрогнуть от усталости.

Но худшее ждало вечером, когда официальные дела были окончены, и в покоях запахло вином, дорогими яствами и густыми, тягучими духами. Появились они, его наложницы. Разнаряженные, сияющие, смеющиеся слишком громко, они вились вокруг него, как пестрые бабочки, а их глаза, полные торжествующей злобы, то и дело находили меня, застывшую в тени.

И тогда началось представление, особенно старалась одна, рыжеволосая, с глазами, как у хищной птицы. Она садилась ему на колени, обвиняла руками его шею и целовала так страстно, так демонстративно, с такими сладострастными вздохами, что воздух в покоях становился плотным и неприличным. Она делала это, глядя прямо на меня. Ее взгляд говорил: «Смотри. Он мой. Ты – просто призрак у окна. Ты – никто».

Я стояла и смотрела в пространство поверх ее головы, чувствуя, как внутри меня что-то медленно, неумолимо замерзает, превращаясь в тот самый алмаз, которым он меня назвал.

Холодным, твердым и абсолютно бесчувственным. Я дышала сквозь запах их духов и вина, сквозь звуки их поцелуев и смеха, была его тенью, безмолвным, «безупречным» украшением. И с каждым часом, с каждым демонстративным прикосновением этой женщины я понимала одну простую, ужасную вещь: эта ночь никогда не закончится, для меня – уже нет.

Глава 7

Янэс или Филь

Тишина после них была не пустотой, а веществом, она влилась в уши тягучим тёплым воском, запечатав слух и оставив внутри черепа лишь пульсацию той точки, где сгушалось наследство матери-призрака — не кровь, но некая иная жидкость, холодная и звонкая, как подземное озеро. Я стояла не дыша, ибо дышать означало втянуть миазмы этого места: пыль, пропитанную страхом, духи наложниц, и под ними тонкую едкую ноту старой, фундаментальной жестокости.

Я опустила веки не для отдыха, но чтобы отсечь зрение и острее впустить остальное; осязание разлилось по коже не как покров, но как щупальца, считывая вибрацию камня — замок не спал, он гудел низким гулом снизу, из подземелий, где текли тёмные воды или томились забытые сущности, и этот гул резонировал, он резонировал во мне, в кристаллическом холоде костей дроу и в струне призрачной сущности, натянутой между мирами. Нервы стали струнами, а каждая из них передавала не звук, но эхо чужой боли, отзвук давнего отчаяния, вбитого в эти стены.

Открыв глаза, я увидела, что воздух не прозрачен — он был узорчат, в нём плавали потоками, как струйки дыхания на морозе, следы эмоций: сизые — усталости слуг, алые всполохи недавнего гнева короля, блёкло-золотые — его минутного удовлетворения. Это было зрение призрака, прозревающее астральный осадок, оно включалось помимо воли, как клапан под давлением, и с каждым мигмом контроль растекался, ускользая сквозь пальцы, как песок.

Дверь скрипнула точным, сухим звуком, словно треснула старая кость. В проёме стоял не слуга, но карлик-архивариус Торбен, лицо его, ничего не выражало, однако аура вокруг него была цвета выцветшего пергамента, пронизанная ржавыми нитями любопытства. В руках он нёс не еду — ларчик, дубовый, почерневший, скреплённый тёмными, будто окаменевшими ремнями; он пульсировал тихо, глухо, как сердце в ледяной грудной клетке.

— Его Величество соизволил вспомнить о вашей утончённой природе, — проскрипел он, ставя ларчик на стол со зловещим *тук*, — посему препоручает вам сей артефакт для ночного изучения, для созерцания; он полагает, что в нём вы найдёте нечто созвучное.

Он отступил, не сводя глаз цвета мутного кварца — в них не было насмешки, лишь холодный эксперимент, и я поняла: король не просто издевался, он зондировал, бросал в клетку к незнакомому зверю разные предметы, наблюдая, какой вызовет рык. Ларчик был новым зондом.

Когда дверь закрылась, тишина обрела центр — ларчик. Я не хотела подходить, каждая клетка тела вопила раствориться, уйти сквозь камень, но не подойти значило показать слабость, и я сделала шаг, затем ещё; воздух вокруг ларчика загустел, в висках зазвенел тонкий крик эльфийской крови, предупреждение об опасности, но природа призрака тянулась, влечёная магнитом, и это противоречие рвало меня на части.

Коснувшись крышки кончиками пальцев — и мир с хлопнулся тишиной. Звук замка отрезало, я осталась в вакууме, где единственным звуком был неслышный визг моей сущности: ларчик впитывал, он был воронкой, дырой в реальности, поглощающей жизнь, и из глубины что-то посмотрело на меня — не глазами, но взглядом, составленным из отсутствия, холода, старше звёзд; это была бездна, взирающая вверх.

Я рванула руку, кожа на пальцах стала прозрачной и хрупкой, как пепельная плёнка, сквозь неё просвечивало не мышцы, а тёмное мерцающее ничто, усеянное холодными, не мигающими точками — подобие звёздного неба, что видят только мёртвые. *Иллюзия*, — ударила в голову ледяная мысль крови дроу, *держи форму!* — но форма уплывала, контуры тела начали дымиться, от краёв отделялась перламутровая дымка, всасываемая ларчиком; я теряла мате-

рию, плотность, и с каждой утраченной частицей ко мне прорывался хор — не голос матери, но множество голосов, обрывки молитв на забытых языках, шёпот последних обещаний, плач детей, чьи имена стёрлись, эхо всех душ, что соприкоснулись с артефактом; они текли во мне, заполняя пустоты.

Я отползла на кровать, вжавшись в холодный камень, дыша коротко, отрывисто, пытаюсь собрать себя вокруг основу эльфийского скелета, вокруг ледяного ядра воли дроу, но оно дало трещину, воля растекалась, разбавленная чужими воспоминаниями, и тогда снаружи донёсся смех — женский, звонкий, пьяный; наложницы шли по коридору, их ауры пылали за дверью, как грязно-алые факелы, одна что-то сказала, и в словах прозвучало не имя, но прозвище — «Тень», «Безлика». Их презрение, простое, плотское, ударило в меня; оно не всасывалось ларчиком, а отскакивало и било прямо в остатки моего «я», в унижение.

Ярость сработала как шок — из глубин, из тёмной крови дроу, вспыхнула искорка чистой, чёрной ненависти, не к ним, но к себе, к своей слабости, к этой разрывающейся природе; искра была крошечной, но она зажгла, стала центром кристаллизации — вокруг неё начала стягиваться расплывающаяся субстанция, дымка потянулась назад, звёздное ничто сжалось, уступив иллюзии плоти, шрамов, истории боли. Я сидела дрожа, но уже не от рассеяния, а от напряжения, как тетива, готовая лопнуть; взор был прикован к ларчику — он больше не пульсировал, лежал чёрный и безмолвный, выпивший порцию моей сущности. Но я знала — он не насытился, он ждал.

Моя иллюзия, маска, стали последним барьером, единственной гранью, отделявшей «Янэс» от того, чтобы стать призраком, очередным экспонатом в коллекции; я подняла руку — искусственная кожа, шрамы были на месте, но если бы кто-то посмотрел внимательно, он увидел бы, как контуры пальцев микроскопически колеблются, словно в жарком воздухе, будто реальность здесь была тоньше и сквозь неё просачивался холод иного мира.

Контроль не вернулся — он висел на волоске, сплетённом из ярости, страха и чудовищной усталости.

На рассвете, когда серый свет едва коснулся бойницы, скрипнула дверь — не карлик, но молчаливая служанка, бросившая на стол свёрток, завернутый в серебристую ткань, и скрывающаяся, словно призрак. Я подошла медленно, пальцы, ещё дрожащие от ночного кошмара, развернули ткань — внутри лежало письмо, начертанное чернилами цвета лунного света на тончайшем пергаменте, пахнущем полынью и дальними звёздами. Сердце, если оно ещё могло что-то чувствовать, сжалось, узнав почерк — твёрдый, изящный, с лёгким наклоном влево, словно буквы уходили в иную плоскость бытия. Это был почерк Лу.

«Дитя моих лун и теней, Янэс, — начиналось письмо, и от этих слов в горле встал ком, — твой зов достиг меня сквозь пелену миров, но он пришёл искажённым, преломлённым через призму чужой воли. Я знаю, где ты, и знаю, чьи руки держат тебя в оковах не из железа, но из страха и любопытства. Услышь меня, эхо моей утраченной подруги: я не могу прийти сейчас. Врата, через которые я ступаю, запечатаны на полгода циклом убывающих фаз, и попытка прорваться разорвёт ткань этого мира, а за мной следят те, кто жаждет найти тебя через меня. Жди. Держись за ту ярость, что живёт в твоей эльфийской крови, и за ту тишину, что досталась тебе от матери. Помни — ты не одна, даже в самой густой тьме, ибо моё внимание, как свет далёкой звезды, всегда падает на тебя. Через полгода, когда сойдутся пути планет, я буду там. А до тех пор — стань тенью, стань камнем, стань тем, чего они боятся, не понимая. Я молюсь за тебя к тем богам, что ещё помнят твою мать. Твоя Лу.»

Письмо не жгло пальцы, но холод его чернил проникал под кожу, смешиваясь с внутренним холодом; это был не огонь надежды, а ледяная опора, точный расчёт, данное слово. Полгода. Шесть месяцев в этом гуле, с этим ларчиком, под взглядом короля и его коллекционера. Полгода балансирования на краю, где каждый миг грозил распадом.

Я поднесла письмо к губам, не целуя, а вдыхая запах полыни — запах дома, которого не было, запах материнской фигуры, что была маяком в ином измерении; затем медленно, с той же чёткостью, с какой Лу писала эти строки, свернула пергамент и спрятала его в складках одежды, туда, где иллюзия была толще, где чужая рука не должна была найти.

Оно не успокаивало — оно ставило срок. Отсчёт начался. И каждая секунда отныне звенела в унисон с едва уловимым внутренним распадом, с тихим гулом ларчика, с тяжким дыханием замка. Я стала часами, в которых пружина вот-вот лопнет, но должна держаться шесть оборотов луны.

И когда придворный пришёл вести меня к королю, я поднялась с той же ледяной ясностью, что звучала в письме, — не рабыня, не эльф, но существо на отсроченном приговоре, и в глазах моих, пустых и бездонных, отражалось не отчаяние, а холодный, безошибочный расчёт выживания.

Королевский кабинет был залит не светом, а его золотой, удушающей имитацией, ленивые лучи падали через высокие окна, ложась тяжёлыми, пыльными полотнами на ковры, поглощавшие каждый звук, и это беззвучие давило сильнее крика, — давило нагромождённым богатством: мозаиками из раковин вымерших моллюсков, шкурами зверей с глазами из рубинов, застывшими в последнем ужасе, витринами, где в мутных растворах плавало нечто, ещё подававшее признаки жизни. Воздух, густой от ладана, старого вина и сладковато-гнилостного дыхания самой власти, обволакивал, как сироп, каждое движение.

Король Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый восседал не на троне, а в кресле у камина, где тлели чёрные, маслянистые камни, испуская жар без пламени, — его тело, ещё хранящее память о воинской мощи, обрюзгло от долгого мира, а лицо, отмеченное когда-то благородством, теперь искажала привычная полуулыбка, он не отрывал от меня взгляд черных глаз с самого моего входа. Я замерла в трёх шагах, приняв выученный поклон, взгляд опустив на его сапоги из кожи морского змея, выдерживая молчание, которое он намеренно растягивал, наполняя лишь потрескиванием таинственных камней, — это была его территория, его первый ход в партии, где фигурой была я.

— Ну что ж, — произнёс он наконец голосом, густым, как патока, — Янэс, встань, позволь на тебя посмотреть, вчерашний мой... подарок не отнял у тебя красоты, надеюсь? — я выпрямилась, подняв глаза, но не встретив его взгляда, сфокусировавшись на точке чуть выше плеча, моё лицо оставалось маской из бледного, идеального мрамора, лишённой трещин, сомнений, самой тени эмоций.

— Благодарна за заботу Вашего Величества, — откликнулась я ровно, отшлифовав каждый звук до безжизненного блеска, — артефакт оказался... весьма познавателен.

Он медленно отложил свиток, положил локти на подлокотники, сплетя пальцы в замок, — Познавателен, — повторил он, и в голосе его прозвучала нотка охотника, учуявшего слабину, — какое любопытное слово для вещи, что, как докладывают, чуть не обратила тебя в дым призрачный, Торбен уверял, ты почти растворилась, — и, помедлив, добавил с нажимом, — страшно было?

— Страх, Ваше Величество, — ответила я, не меняя интонации, — это реакция живого существа на угрозу бытия, моя же природа оспаривает само понятие жизни в его обыденном понимании, следовательно, и страх как таковой являет собой проблему более философскую, нежели физиологическую.

Он замер, и в его черных глазах мелькнула досада, подобная той, что возникает у ребёнка, чья замысловатая игрушка отказывается издавать положенный звук, — Оспаривает, проблематичен, — проворчал он, откидываясь в кресле, — ты говоришь, как наш архивариус, а не как девушка, пережившая ночной кошмар, мне не нужны тут трактаты, Янэс, мне нужна... аутентичность, я собрал тебя, как диковинный цветок, чтобы наблюдать цветение, а не чтобы любоваться восковой копией.

— Я являюсь тем, что есть, Ваше Величество, восковая копия или цветок — вопрос исключительно восприятия смотрящего, — парировала я, и в этот миг с потолка, из резного карниза, сорвалась и упала между нами небольшая летучая мышь, очевидно, оглушённая тишиной или жаром камней, — она беспомощно забилась на полу, нарушив ритуал противостояния.

Король, на мгновение отвлечённый, с раздражением топнул ногой, не попадая, но заставив зверька замолкнуть в оцепенении, — затем резко встал, его тень поглотила меня, и он приблизился, нарушив всякую дистанцию, его дыхание, пропитанное дорогим маслом и металлом, обволокло меня, — Вот так? — прошептал он, и шёпот его был опаснее крика, — ты всегда была такой, холодной, или это... она научила тебя этому, любимая Агатињес, прятаться за словами и этим ледяным взглядом?

Удар был точен, направлен в самое незаживающее место, но мои черты не дрогнули, я лишь позволила глазам, медленно, с ледяной учтивостью, встретить его взгляд, — Моя Агатињес научила меня многому, Ваше Величество, в том числе и тому, что самая прочная броня часто невидима, как ветер, который нельзя схватить.

Он засмеялся, но смех его был беззвучным сотрясанием груди, — Броня, прекрасно, а что скрывает эта броня, Янэс, что там, внутри, гнев, ненависть, или... боль, может, одиночество? — протянул руку и вдруг, стремительно, сжал мою шею чуть ниже подбородка, не перекрывая дыхание, но властно фиксируя. Его пальцы были горячими и грубыми. — Я мог бы дать тебе тепло. Сделать тебя не экспонатом, а... фавориткой. Но для этого ты должна быть *живой*.

Я не дрогнула, глядя прямо на него сквозь его пальцы.

— Ваше Величество слишком добр, — прозвучал мой ровный голос. — Однако тепло... прерогатива тех, кто целиком принадлежит этому миру. Я же... лишь гость временный.

Его глаза вспыхнули. Пальцы на моей шее сжались чуть сильнее. — Ты скучная игрушка, Янэс. Прекрасная, загадочная, но скучная. А игрушки, которые не открываются, надоедают. И их... ломают, чтобы посмотреть, что внутри.

Он отпустил мою шею так же резко, как и схватил, и отступил на шаг, всё ещё пылая немим гневом. Затем его выражение сменилось на властное и требовательное.

— Довольно игр, ты будешь служить мне сегодня, не как тень, а как женщина. Пойдём.

Не дав ответа, он резко развернулся и направился к скрытой в стене дубовой двери. У меня не было выбора, я последовала за ним, мои шаги беззвучны на густых коврах.

Мы вошли в комнату для омовения, помещение было высечено из тёмного, полированного камня, по которому с тихим шелестом стекали непрерывные струи тёплой воды, создавая вокруг влажную, парящую дымку. В центре, врезанная в пол, сияла огромная чаша купели из чёрного мрамора, уже наполненная водой, от которой поднимался лёгкий пар.

Король остановился посреди комнаты и распахнул руки. — Раздень меня.

Его приказ висел в сыром воздухе, я подошла, мои движения оставались плавными и точными, как и всегда, помогла ему снять тяжёлый, расшитый камнями камзол, затем — тонкую шёлковую рубаху. Под ней оказалось тело, всё ещё могучее, с рельефом старых мышц и шрамов былых битв, но уже тронутое мягкостью изобилия. Я опустила на колени, чтобы снять его сапоги, затем — узкие штаны из тонкой кожи.

Когда дело дошло до последнего предмета — лёгких льняных исподних, — мои пальцы на миг замерли. Почти незаметная пауза, всего лишь доля секунды, он её уловил. Его взгляд, тяжёлый и ожидающий, жёг макушку моей головы. Я потянула за ткань, исподнее упало к его ногам.

Влажный, горячий воздух ударил мне в лицо. Передо мной обнажилось его полное мужское достоинство, уже полувозбуждённое, внушительное и требующее. Любая другая на моём месте могла бы смутиться, отпрянуть, покраснеть, но внутри что-то холодно и отстранённо отметило его размер, готовность. На миг, быстрый, как вспышка, перед внутренним взором

промелькнуло неизбежное: что однажды эти руки, это тело, этот... инструмент власти потребуют большего, чем просто созерцания, что чаша купели — лишь прелюдия.

Я отогнала мысль, как сдуваю пылинку, моё лицо осталось непроницаемо-спокойным, лишь сделала глубокий, бесшумный вдох, будто готовясь к погружению, и подняла на него пустой взгляд.

— Ванна готова, Ваше Величество, — произнесла я ровно.

Он, всё ещё изучая мою реакцию, с едва уловимым разочарованием в глазах, шагнул в воду и погрузился в неё с тяжёлым вздохом, я взяла с края чаши мягкую губку и кувшин с ароматными маслами. Присев на край мрамора, я начала омыwać его широкие плечи, спину, могучие руки. Вода стекала по коже и по стенам, тихо журча, наполняя комнату звуком, похожим на далёкий водопад. Я двигалась методично, почти механически, смывая с него пот, пыль власти и гнев сегодняшнего дня. Он откинул голову назад, закрыв глаза, но я знала — он не спит, ждёт хоть какой-нибудь трещины в ледяной глади. Но ее не было, была только тень, камень и тихое, неумолимое течение воды, отсчитывающей время до конца этих шести месяцев.

Воздух в комнате всё ещё дрожал от пара, когда король, не дав мне вытереть руки, резким жестом велел следовать, вода с моих пальцев стекала холодными каплями на каменный пол, оставляя тёмный след, который тут же поглощался жадной влагой стен.

Мы шли не в его личные покои, а вглубь восточного крыла, по коридорам, где воздух густел от запахов мускуса, сладких вин и перегретого тела. Звуки — сдавленный смех, звяканье браслетов, неясный гул голосов — нарастали с каждым шагом, словно мы приближались к сердцу какого-то огромного, дышащего зверя.

Двери перед нами распахнулись без стука. Волна тепла, звука и запаха ударила в лицо.

Комната, называемая «Вечерними покоями», была огромным логовом, низкие диваны, заваленные шёлковыми подушками, тянулись вдоль стен. Ковры под ногами были такими густыми, что гасили любой звук шагов, создавая ощущение нереальности происходящего. В воздухе висел сизый дым благовоний, перемешанный с испарениями вина и пота. Полуобнажённые фигуры наложниц и нескольких фаворитов переплетались в ленивых, отработанных позах, кто-то тихо смеялся, кто-то нашептывал что-то на ухо, кто-то просто смотрел в пространство стеклянным взглядом.

Всё это замерло на секунду при нашем появлении, взгляды — любопытные, ревнивые, оценивающие — скользнули по королю, а затем увязли во мне. В моей простой, сухой одежде, с влажными волосами и лицом, лишённым выражения, я была инородным телом в этой плоти и бархате.

Король вошёл в комнату, как капитан на палубу своего корабля, тень раздражения от нашей предыдущей встречи всё ещё лежала в складках у его рта, но сейчас он трансформировал её в нечто иное — в демонстративную, самоуверенную власть.

— Не стой на пороге, тень, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Войди и займи своё место.

Он двинулся к центру комнаты, где на самом большом ложе уже освободили для него место. Две наложницы — одна с волосами цвета тёмного мёда, другая рыжеволосая — тут же прильнули к нему, как плющ к скале, их руки привычно и жадно потянулись к нему.

Я сделала несколько шагов внутрь и остановилась у высокой вазы с экзотическими, увядающими цветами. Место «тени». Место наблюдателя.

Король не стал сразу погружаться в действие, он откинулся на подушки, приняв чашу вина из рук рыжей, но его черные глаза, холодные и ясные сквозь дымку комнаты, были прикованы ко мне.

— Смотри, Янэс, — произнёс он громко, чтобы слышали все, голос его был густым, как мёд, но в нём слышалось лезвие. — Смотри, как живут те, кто не боится чувствовать. Как они берут то, что хотят. Как они... отдаются.

Это был приказ и новый эксперимент. Он хотел видеть во мне смущение, отвращение, возможно, подавленное любопытство, любую искру. Я подчинилась, смотрела.

Но я видела не то, что он ожидал, моё восприятие, заточенное на анализ, рассекло яркую картину на составляющие.

Рыжая, что подавала вино, занимала высшую позицию. Её прикосновения были уверенными, взгляд — оценивающим. Девушка с тёмными волосами старалась больше, её смех был чуть громче, движения — чуть навязчивее, она боролась за внимание, которое уже начало ускользать. Постепенно, под влиянием вина и нарастающей, показной страсти короля, атмосфера в комнате накалилась. Звуки стали громче, движения — менее скоординированными, король, всё ещё наблюдая за мной краем глаза, теперь погружался в действо с видом доказывающего свою правоту.

Именно тогда темноволосая наложница, та, что боролась за внимание, совершила ошибку. Её ревнивый взгляд упал на меня — неподвижную, чистую, не участвующую фигуру у вазы, в её глазах вспыхнуло что-то острое — смесь зависти, злобы и отчаяния.

Она оторвалась от короля, её щеки пылали.

— А она что тут делает? — её голос прозвучал слишком резко, перекрыв на миг гул комнаты. Все затихли. — Стоит, как статуя, смотрит. Тебе, что, нравится, когда на тебя смотрят, господин? — Она попыталась вложить в слова игривость, но получился только ядовитый шип.

Король медленно повернул к ней голову. В его взгляде не было гнева, лишь холодное любопытство, как у учёного, наблюдающего реакцию подопытных.

— Лора, — произнёс он тихо. — Ты говоришь о моей гостье?

Лора, почуяв опасность, но не в силах остановиться, кивнула в мою сторону.

— Она... она портит атмосферу, холодная, мёртвая. Зачем она здесь?

Все взгляды устремились на меня. Давление ожидания стало почти осязаемым. Король отпил вина, его глаза сверкали, он ждал.

Я встретила взгляд Лоры, не её разгневанный, влажный взгляд, а саму её суть — испуганное существо, пытающееся удержаться на скользком склоне, отталкивая других.

Я заговорила, мой голос прозвучал в внезапно наступившей тишине с той же ровной, аналитической ясностью, с какой я описывала бы погоду.

— Ваше присутствие здесь основано на стратегии прямой эмоциональной провокации, — сказала я, глядя на Лору. — Цель — переключить фокус внимания сконцентрированной власти на себя, создав конфликт низкого порядка. В текущей иерархической конфигурации, где доминирует один субъект, такой подход имеет низкую прогнозируемую эффективность. Он приводит не к росту статуса, а к маркировке вас как источника нестабильности.

В комнате повисла гробовая тишина. Кто-то подавил смешок, но тут же замолчал. Лора побледнела, её губы задрожали. Она не поняла и половины слов, но поняла тон — абсолютно беспристрастный, обесценивающий её страсть, ревность, существование здесь до уровня неудачного тактического хода.

Король не засмеялся, он отставил чашу. В его глазах не было ни веселья, ни гнева, был шок чистого, леденящего понимания. Он пытался устроить спектакль плоти и чувств, а я составила протокол наблюдения за поведением социальных животных в условиях искусственной иерархии, не просто отказалась играть — а переписала правила его игры на свой, непостижимый ему язык.

Он медленно поднялся с ложа, отстранив наложниц, его лицо было непроницаемо. Он подошёл ко мне, и в его шаге не было прежней ярости, была новая, настороженная тяжесть.

— Выйди, — сказал он тихо, но так, что слово прорезало тишину, как лезвие.

Я кивнула, повернулась и вышла из «Вечерних покоев», оставив за спиной ошеломлённую тишину, разбавленную теперь уже совсем фальшивым шёпотом.

Коридор встретил меня прохладой и безмолвием. Но в моей голове не было пустоты. Там, аккуратными рядами, раскладывались свежие данные.

Возвращаясь в свою комнату, я прошла мимо высокого окна, лунный свет упал на мою руку. Я остановилась и посмотрела на ладонь, всё ещё влажную от воды. Затем очень медленно сжала её в кулак, не чувствуя ни гнева, ни триумфа, просто констатируя факт. Он пытался бросить меня в огонь, но не получилось, у бабушки методы были хуже.

Глава 8.

Ночь, снова бессонница – вечная спутница с тех пор, как жизнь рассыпалась на мелкие, острые осколки. Я лежала в холодной постели, взгляд мой был пригвождён к тёмному окну, за которым расстился незнакомый, враждебный мир. Здесь, в Финсельбурге, я стала чужой, но мои мысли, словно блуждающие души, часто возвращались туда, где когда-то был мой дом, Мильхэль – моя родина, ставшая чужбиной, мир, где под маской дворцового блеска скрывались зубы хищников.

Сколько лет прошло с того дня? Пять? Шесть? Время в плену, течёт иначе, то растягиваясь в мучительно долгие часы, то сжимаясь в неистовый полёт. Я помню тот зал, тронный, мерцание золота, тяжесть бархата, прохладу камня.

Я стояла на коленях, голова опущена, плечи едва заметно дрожали от внутреннего напряжения, но не от страха. Холодный, кристально чистый холод мысли, застывший под маской каменного безразличия.

Впереди, на высоком троне, величаво восседали они: Королева Агатињес иль Филь, моя бабушка, чья красота была резким, искусственным лезвием, отточенным годами интриг, и Король Феанор ли Морнэмир, мой дед, чьи глаза подобно двум чёрным уголькам сверкали гневом.

- Какое ничтожество! — слова короля Феанора вылетели, как плевков. — Грязное создание, которое ни на что не способно! Ты даже своего мужа защитить не смогла!

Язык не поворачивался ответить, слова отскакивали от незримой брони, которой себя окружила. Я не могла показать им, что его гнев достигает меня, не могла дать им эту пищу.

- А, возможно, не хотела, — прозвучал ровный, ледяной голос Агатињес, лишённый малейшего намёка на эмоции. — Девчонка даже нормально его удовлетворить не смогла.

Её слова, лишённые яда, были, пожалуй, ещё более сокрушительными, они были констатацией факта, вынесенной будто бы от имени всего мира.

- Тебя вернули! — Король уже не говорил, он рычал, звериным, потерявшим человечность звуком. — Наследный принц отказался от подстилки! Насколько же нужно опозориться, чтобы от тебя отказались?!

Язык проглотила, безмолвие. Единственное моё оружие, имеющее хоть какой-то вес в этом зверинце.

- Ну что ты, мой дорогой супруг, — тут же мягко, успокаивающе заговорила королева, её голос был сладок, как яд, — Не стоит так кричать, ты же сам знаешь, насколько драконы ценят чистоту.

- Чистоту! — король перешёл на новый уровень ярости. — Как никто другой знаю! Это ничтожество ещё не понятно, от кого понесла ребёнка! Чего молчишь?! Язык проглотила или сказать нечего?!

Он не стеснялся в выражениях, отчитывая меня, как предателя, хотя, я была ему внучкой, но частью семьи меня не считал. Всего лишь удобная разменная монета, которую теперь отправили обратно, обесцененную.

- Ваше Величество, король Феанор ли Морнэмир, — я произнесла эти слова, звучащие из моего рта, чужие. — Вы абсолютно точно всё сказали, не смогла выполнить ваш наказ, и политический союз не был заключен по моей вине.

Голова моя опустилась ещё ниже, касаясь холодного камня серединой лба, поза смирения, молитвы.

- Приму любое наказание, — добавила я, всё тем же ровным, без эмоциональным тоном.

- Я бы тебя убил, — выплюнул король. — Вот просто взял и убил!

- Это было бы слишком лёгкое наказание, — вклинилась Агатињес. В тоне её не было ни злорадства, ни сожаления, только холодный расчёт. — Лучше пусть ею займутся маги. Да и цепи, я думаю, ей были бы полезны, она ведь, дитя, соскучилась по ним, верно?

Да, моя королева, — голос был тих, но чётко, внутренне всё сжалось от ужаса, но внешне — ни малейшего колебания.

Вот и хорошо, — королева мельком улыбнулась, что резко повеяло могильным холодом. — Стража! Увести Янэс или Филь в склеп. Наградить её семьюдесятью ударами, посадить затем в цепи и вызвать старшего мага. А её дочь... отправить ко мне в покои, — голос стих, а вот мои пытки и наказания только начинаются.

Спустя время...

Скрип засовов, лязг железа, гулкое эхо шагов в каменном мешке. Склеп, холод, проникающий до самых костей, запах сырости и затхлости, смешанный с предвкушаемой болью. Тяжёлые, грубые руки схватили меня, сдернули с ног.

Удары, семьдесят. Всякий раз, как будто ломали кость. Каждый удар — молот, бьющий по наковальне моего безразличия. Кровь, горячая, смешивающаяся с потом, струилась по спине, прилипая к холодной плоти. Я не кричала, не стонала, просто ощущала каждую клетку своего тела, кричащую от боли, но мой разум не позволял им выдать звук.

Язык цепей, тяжёлые, ледяные оковы, сдавливающие запястья и щиколотки. Они впивались в кожу, с каждым движением причиняя новую, тупую боль. Мир сузился до этого холодного, влажного пространства, где единственной реальностью были боль и цепи.

Звук походки, не рабской, не стражника. Шаги, наполненные скрытой силой. Старший маг, я почувствовала это ещё до того, как он вошёл, его аура была подобна ледяному ветру, обещающему бурю.

Он не говорил, его присутствие уже было пыткой. Он остановился передо мной, и я почувствовала, как воздух вокруг меня стал плотнее, тяжелее, будто кто-то пытался вдавить меня в каменный пол.

Затем — вторжение, нежное, но неумолимое, как вода, проникающая сквозь трещины. Он не ломал, исследовал. Каждое воспоминание, мысль, сохранённое чувство — всё было под его пристальным, колючим вниманием.

Он шел по моей памяти, как по хрупкому зеркалу, ища трещины, он видел мой страх, моё отчаяние и облегчение, когда поняла, что муж мёртв. Видел моё чувство вины, от которого я так яростно отбивалась, он вытягивал их, изолировал, как будто раскладывал на столе.

Голос его, тихий, проникающий прямо в сознание, был подобен шёпоту пустоты.

«Почему ты не защитила его?»

«Ты знала, что он слаб?»

«Была ли возможность?»

«Ты боялась? Скажи, чего ты боялась больше всего?»

«Эта холодность... это защита, не так ли? Защита от чего? От всего?»

«Такая юная, а уже такая пустая. Где твои чувства, дитя? Где твоя страсть? Где — твоё горе?»

«Тебе нравилось, что он делал? Или ты сама хотела убить?»

«Что ты чувствовала, когда поняла свое положение?»

«Ты знаешь свое место? Понимаешь, что не заслужила дышать?»

Каждый вопрос был ударом, не по телу, а по моей укреплённой, кристальной броне. Они царапали, искали болевые точки. Я чувствовала, как трещины проступают, как под натиском его силы мой внутренний мир начинает оседать, рассыпаться.

Но мой разум работал, он фокусировался на одном: не давать им почувствовать, что они могут сломать меня, я концентрировалась на холоде, на ровности, на той точке, где боль становится просто информацией.

Не отвечала вслух лишь молчанием, мои мысли, устремлённые в бесконечную пустоту, были непроницаемы. Я представляла себя скалой, о которую разбиваются волны, пустым сосудом, который невозможно наполнить.

Он пытался вытащить из меня боль, но всё, что он находил, было лишь отражением моего самоконтроля, моими воспоминаниями. Я чувствовала, как его сила бьётся обо что-то твёрдое, не податливое, как натиск становится всё более отчаянным, но всё менее эффективным. Он отступил, почувствовала, как давление исчезло, воздух снова стал легким, но отзвук его вторжения остался. Ощущение, будто тебя пропустили через сито, и остались только самые мелкие, крепкие частицы. Он смотрел на меня, его глаза, обычно исполненные знания и власти, теперь выражали недоумение. Маг не сломил меня, не нашёл того, чего искал.

— Ты... — начал он, но осекся.

Я подняла голову, смотрела прямо в его глаза. Мои же, возможно, были похожи на льдинки, но теперь в них мелькнул отблеск внутреннего огня, который пожирал всё, что пыталось его задеть.

— Я всё ещё здесь, — произнесла я, мой голос дрожал, но не от страха, от ощущения, что выстояла, выжила.

Он ушёл, оставив одну, в цепях. Я смотрела на них, которые должны были быть наказанием, на своё тело, которое должно было страдать. И думала с той же холодной ясностью, которой научилась.

Боль – это информация. Цепи – это ограничение. Но главное – это разум, который может видеть сквозь боль, который может работать даже в цепях.

Воспоминания – коварные предатели, они рвутся из глубин памяти, освещая прошлое ярким, но таким обманчивым светом. Реальность же, она всегда найдет способ напомнить о себе. Едва заметное колыхание энергии, тонкий, лишь намеком присутствующий, но от того лишь более тревожный запах крови, и, что самое страшное, полное, абсолютное отсутствие магических потоков, исходящих от самого сердца королевства, от *его* покоев. Короля Финсельбурка, Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатого.

Даже здесь, в этой чужой, враждебной земле, где я была лишь бледной тенью, лишь призраком, не могла не чувствовать тончайших вибраций мира. И сейчас что-то было чудовищно неправильно. В моих старых книгах, в моих позабытых записях, говорилось о таких, кто прячется в тенях – убийцы, столь тихие, столь незаметные, что их присутствие невозможно уловить. Невидимые, неосязаемые. Но я же наполовину призрак, тонко разбираюсь в энергетических потоках, и смогла *их* почувствовать.

Сердце пропустило удар, отчаянно забилося в клетке рёбер. Это было не связано с приказами, не с долгом, не с теми жутко болезненными ранами, которые оставили в моей душе прошлые события, нет. Это было что-то совершенно новое, личное, до глубины души. Желание защитить того, кто смотрел на меня не как на монстра, не как на объект для изучения, а как на настоящее, живое чудо.

Я стремительно, но абсолютно беззвучно выскользнула из своих покоев. И у дверей покоев короля... зрелище, от которого кровь застывает в жилах, душа сжимается от ужаса. Обезглавленные стражники. Их тела лежали на полу, так аккуратно, почти утонченно. Ни единой капли крови на их одежде, только на том начищенном до блеска паркете. Работа истинного мастера. Мгновенно. Без следа.

Времени не было. Ни секунды. Я должна была действовать, действовать сейчас.

Мои пальцы, такие ловкие и быстрые, с невероятной скоростью распахнули массивные двери. И в тот же миг, словно по команде, девять пар глаз устремились на меня. Восемь из них – хищные, холодные, как лёд, принадлежащие убийцам. Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семна-

дцатый лежал в цепях, глушащих магию, туго, прочно скованный. У самого его горла — острие кинжала, острого, как бритва. Трое из этих тварей держали его, остальные были рассредоточены по покоям, как пауки, поджидающие добычу.

— О, какая милашка, — произнес тот, что держал кинжал, его голос был сладок и едок, как яд гадюки. — Парни, вы только посмотрите, какое сокровище нас обнаружило. У меня есть предложение, почему бы нам её тоже не забрать? В качестве развлечения? — он так резко, хищно улыбнулся, что меня передернуло до самых костей.

Я медленно, глубоко выдохнула. Вдох. Выдох. Всё происходило словно в замедленной съемке. Оторвала подол своего ночного платья, обнажив ноги, превратив простую, бесформенную одежду в нечто подобие откровенного, соблазнительного наряда. В следующее мгновение мой взгляд упал на меч одного из павших, бездыханных стражников. Быстрым, отточенным, почти инстинктивным движением вырвала его из ножен.

— О, посмотрите, Ваше Величество, — первый убийца, тот, что так сладко говорил, с издёвкой обратился к королю. — Одна из ваших подстилок решила поиграть в героя. — По залу прокатилась волна мерзкого, режущего слух смеха.

— Я не его подстилка, — произнесла я. Голос мой был слишком холоден, слишком ровен, словно произносила приговор. Из моего рта вышел клуб пара, несмотря на отсутствие мороза. Воздух в покоях резко, ощутимо похолодел, словно зима решила заглянуть сюда без приглашения. — Вы посмели поднять руку на самое сердце королевства. Так отдайте же свои жизни за эту низость.

Мои глаза вспыхнули белым, неземным светом, кожа стала ещё бледнее, почти прозрачной, словно лунный свет. Сам меч в моих руках окутался морозной магией, снежной, слепящей, ослепительной, он стал в тысячу раз острее, превратившись в сосульку смерти.

В этот момент реальность исказилась, превратившись в вихрь стремительных движений и пронзительного холода. Убийцы, эти злобные сущности, сотканные из ночных кошмаров, не успели даже осознать, что происходит, их реакция замедлилась, словно они двигались в густой, вязкой патоке. Скорость была чистой, дикой стихией, вырвавшейся на свободу. Точность — каждое моё движение было выверено с нечеловеческой, почти сверхъестественной точностью, каждый удар моего меча, казалось, предвещал конец, разрывая саму ткань времени и пространства. Я была искусна в сражениях на мечах, это стало моим вторым естеством, неотъемлемой частью моей сущности, подобно дыханию.

Но я не убивала. Нет. Это было бы слишком просто, слишком банально, слишком быстро — не удовлетворить ту бурю, что бушевала в моей душе, не выпустить этот гнев, что кипел внутри. Вместо этого я ранила, так, чтобы они потеряли всякую способность к сопротивлению, к малейшему движению, чтобы их тела превратились в бесполезные, лишённые воли оболочки. Первый, кто почувствовал эту ледяную хватку, но даже не успел осознать её, был тот, кто держал кинжал, угрожая самому горлу короля. Незаметный, как взмах крыла ночной бабочки, но молниеносный, — я выбила оружие из его руки. И, словно играя с судьбой, словно демонстрируя своё превосходство, кинжал, мой кинжал, оказался... в ноге самого противника, вонзившись в плоть с тихим, жутким звуком.

Когда все восемь этих нечестивцев, эти воплощения сырой тьмы, были повержены, их сознание померкло, а воля к сопротивлению сокрушена, я не тратя ни единой драгоценной, ускользающей секунды, подобно искусному хирургу, что препарирует поражённую плоть, где каждый надрез имеет значение, с невероятной скоростью, решительно, разорвала клочья своей когда-то изящной ночной рубахи, превращая их в прочные, надежные полосы. Затем, с ловкостью и точностью искуснейшего палача, что вот-вот исполнит свой последний, неотвратимый приговор, связала тех, кто ещё всего лишь мгновение назад посмел посягнуть на святая святых королевства, кто дерзнул желать причинить вред. Их неожиданное, полное бессилие лишь

подпитывало мою решимость, делая каждое последующее действие более целенаправленным, более грозным, более... неотвратимым.

А ведь поначалу, эти негодяи были так уверены в своей неуязвимости, так пренебрежительно относились ко мне, оценивая лишь мое, должно быть, слишком откровенное, полуночное облачение. Это, как мне кажется, сыграло им в худшую сторону, отвлекло их внимание, заставило недооценить ту бурю, что таилась.

Один из них, отлетел к дальней стене, словно тряпичная кукла, его сопротивление растаяло в воздухе, как роса под палящим солнцем. Другому, тому, что попытался схватить меня своими грязными руками, я сломала предплечье с такой лёгкостью, что он издал лишь тихий, булькающий стон, прежде чем рухнуть на пол. Третий, что стоял в стороне, намереваясь нанести удар с тыла, получил мой меч в бедро – не смертельно, нет, но настолько болезненно, чтобы он потерял всякую боеспособность, его предсмертный хрип был лишь подтверждением моей безошибочности. Четвёртый, пятый, шестой... каждый получил своё, каждый был выведен из строя с той же холодной, безжалостной эффективностью. Они пытались атаковать, пытались защищаться, их движения были резкими, рваными, но я была неуловимой, как ветер, невидимой, как тень. Мои выпады были молниеносны, блоки – непробиваемы, сила – безгранична.

Подойдя к королю, грациозно, словно балерина, я осмотрела его шею. Едва заметный, тонкий надрез, кровь лишь чуть-чуть выступила, как робкий ручеёк.

— Ваше Величество, пожалуйста, не двигайтесь, — произнесла я. Голос мой был спокоен, тих, как всегда, как будто ничего не произошло. Как будто предыдущие минуты не были яростной, смертельной битвой. — Я обработаю вашу рану. — Король лежал молча, его взгляд был прикован ко мне, словно он не мог оторваться.

Я невольно отметила про себя, что в этом беззащитном положении, таком уязвимом, он выглядел... удивительно соблазнительно. Закончив с раной, я достала тонкую шпильку из своих волос. Работая ловко, как искусный взломщик, я взломала замок наручников. Король был свободен. Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый смотрел на меня, не моргая, медленно, задумчиво потирая запястья. В его глазах, среди явного облегчения, промелькнула какая-то сдержанная, потусторонняя жестокость.

— Благодарю, — произнес он. В его голосе звучала какая-то непривычная, срывающаяся острота. — Честно, не ожидал. Скажи мне, как ты поняла, что они здесь?

— У меня очень хороший слух, — решила я скрыть правду о колебаниях энергии, которая была слишком сложна для объяснения, личная. — Я просто услышала изменение в вашем дыхании. Вышла из покоев и почувствовала кровь. — Мои объяснения были спокойными, ровными, как всегда, без тени фальши.

— А что было с твоим обликом, когда ты начала атаковать? — спросил он. Голос его стал совсем другим, слишком прямолинейным, почти грубым. — С твоими глазами?

— Это лишь отблеск ночного солнца, — соврала я, идеально, без малейшего колебания, чувствуя, как слова сами слетают с губ. — Которое освещает ваши покои, и не более того.

— Ты в этом совершенно уверена? — в его глазах появилось явное, неприкрытое недоверие. — Я считаю иначе!

— Абсолютно уверена, — повторила я, ещё одна ложь, ещё один шаг по тонкому льду. — Многие дома подчёркивали это. Что ночью я выгляжу... иначе.

— Сделаю вид, что поверил, — проговорил он, его взгляд всё ещё изучал меня, словно пытаюсь прочесть мысли. — Хорошо. Переоденься, и немедленно разыщи слуг, нужно будет допросить тех, кто сегодня пришёл за мной.

Я не стала сопротивляться приказу, спорить. Моё тело, до сих пор хранящее отголоски прошедшей бури, едва заметно дрогнуло, но разум был кристально ясен. Про себя, подумала: «Как же это удивительно, что король не стал настаивать, не стал так настойчиво копаться в самой истине. Это ведь совершенно на него не похоже». Или, может быть, шок от пережитого

заставил его отступить, принять мои слова на веру, хоть на время? Это ведь так не похоже на него. Странно...

Ещё сильнее меня занимал другой вопрос: какими судьбами эти проклятые убийцы вообще смогли попасть в замок? Как им, чёрт возьми, удалось так легко обойти столь бдительную охрану? Почему никто, ни один, не заметил их, не поднял тревогу? Эта загадка была куда более интригующей, куда более волнующей, чем мои внезапные, необъяснимые метаморфозы.

«Ну, что ж», — подумала я, направляясь в сторону своих покоев, чувствуя, как к горлу подступает ком, — «сначала я переоденусь, приведу себя в порядок, а уж потом, обещаю себе, займусь поисками ответов. И слуг, конечно же, разыщу, как он и приказал».

Глава 9.

Следующее утро принесло с собой не утренний рассвет, а тяжелое, зловещее предчувствие. словно пелена, окутавшая королевство, скрывала несказанные тайны, которые теперь, после ночного вторжения, готовы были прорваться наружу. Помня о приказе короля, Янэс направилась в его обширные, монументальные покои, каждое архитектурное решение которых говорило о вечности. Войдя в кабинет, она обнаружила его не сидящим за столом, как обычно, а стоящим у огромного окна, вглядывающимся в даль, словно пытаясь разглядеть там нечто, скрытое от посторонних глаз.

- Ваше Величество, — начала Янэс, голос её звучал ровно, но в глубине души таилось беспокойство. — Позвольте поинтересоваться... правда ли, что вы правите этим королевством уже... четыре столетия?

Король медленно повернулся, его лицо, обычно спокойное и величественное, было изморожено складками изумления и глубочайшего шока. В его глазах, которые, казалось, видели всё, промелькнуло недоверие, смешанное с чем-то ещё – то ли давней усталостью, то ли скрытой скорбью. Он молчал несколько долгих мгновений, прежде чем ответить, и его новый, непривычно резкий тон прорезал тишину:

- А, вам какое дело? Или вы думаете, что ваше ночное благородство даёт вам право задавать мне вопросы, касающиеся моего правления?

Янэс слегка наклонила голову, не отводя взгляда. — Простите, Ваше Величество, я лишь... завидую. Мне всего двадцать, а вы правите веками. Это поразительно. — Она сделала паузу, подбирая слова. — И, признаться, меня удивляет, что за столь долгое время вы не обзавелись наследником. Королевству нужен преемник.

Эта фраза, похоже, достигла болевой точки. Лицо короля исказилось гневом, его глаза сузились, и он, сделав шаг к ней, произнёс с ледяной яростью: — Не смейте лезть в дела, которые вас не касаются, Янэс! Это дело сугубо королевской семьи, и я не потерплю вашего вмешательства.

Янэс не отступила, хотя чувствовала, как по спине пробежал предательский холодок. Она видела, что прямое давление на короля сейчас контрпродуктивно, что его гнев лишь нарастал, подобно набирающей силу буре. Он был готов отвергнуть слова, отмахнуться от её опасений, как от назойливой мухи. Поэтому, сделав едва заметную паузу, словно обдумывая свои дальнейшие действия, она решила сменить тактику, ловко переключая фокус разговора.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — снова произнесла она, её голос звучал теперь более уверенно, тонко рассчитано, несмотря на всё ещё витающий в воздухе сарказм короля. — Понимаю, что мои слова могут показаться дерзкими. Но я вынуждена высказать свои подозрения, основанные на том, что видела. Нападение прошлой ночью... оно было слишком неординарным, слишком... искусным. Даже Тени, эти уникальные убийцы, о которых ходят легенды, способные прятаться за гранью реальности и оставаться совершенно незамеченными, не смогли бы бесшумно проникнуть в ваши покои и обезвредить охрану столь тихо. Это, Ваше Величество, с абсолютной уверенностью означает, что им кто-то помог, изнутри. Предатель, возможно, кто-то из вашего же, казалось бы, верного окружения.

В этот момент в глазах короля, обычно непроницаемых, как древний камень, промелькнуло нечто столь неуловимое, столь ужасающее, что всего лишь мгновение назад казалось невозможным. Это был робкий проблеск страха, который тут же сменился всепоглощающей яростью, словно дикий зверь, загнанный в угол. Он пристально вгляделся в Янэс, в это диковинное, молодое создание, смеющее говорить с ним, королем, с такой дерзостью. Его взгляд, подобный удару кнута, пытался прожечь насквозь её, оценить, где заканчивается простое любопытство и начинается реальная угроза, в какой степени ей можно верить, а в какой – следует

ожидать удара в спину. Вся история королевства, все его тайны, прошлое – всё это померкло, отступило на задний план, растворилось в густом тумане неизвестности. Теперь существовала лишь сиюминутная, ледяная угроза, которая, словно ядовитое растение, прорастала внутри самых стен этой цитадели, внутри, где, казалось, нет места для такого утонченного ужаса.

— Предатель, говоришь? — прорычал он, и в его голосе звучала изломанная дрожь, которая, казалось, выдавала гораздо больше, чем он желал. — Ты думаешь, мне не известны те, кто шепчет в тенях? Ты думаешь, я слеп?

Он резко развернулся, шагнув к массивной дубовой двери своего кабинета, и, прежде чем Янэс успела что-либо предпринять или сказать, он распахнул её с такой силой, что та затрещала, словно перед ней была выстреляна целая артиллерийская батарея. За дверью, в полумраке коридора, стоял... *он*.

Не какой-то там безликий убийца, не какой-то там стражник, выполняющий чьи-то приказы. Нет. Это был тот, кого король, казалось, знал. Тот, чье присутствие здесь, в этот момент, было подобно удару ножом под ребра. Его лицо было спокойно, даже безмятежно, словно он просто вышел прогуляться, а не стоял в ожидании кровавой бойни. В его руке, совершенно невозмутимо, покоился кинжал, покрытый чем-то тёмным и липким.

— Совершенно верно, Ваше Величество, — произнёс незнакомец, его голос был мелодичным, почти ласковым, но при этом звучал как предсмертный приговор. — Прошлой ночью мне помогли, не посторонние, нет. Помогли те, кому вы доверяете больше всего.

Король стоял над ним, и в этой тишине, звенящей от невысказанного ужаса, дрожал не просто его стан — а воздух, сама ткань реальности вокруг трона. Больше не было слов, которые могли бы удержать эту лавину боли, и они застряли где-то в горле, оставив после себя лишь ледяную пустоту. Янэс чувствовала, как её собственное сердце, сжавшись, медленно покрывалось инеем — это был не страх, а нечто худшее, осознание того, что мир, который она знала, только что треснул и уже никогда не склеится.

— Ты... — выдохнул он, и в этом единственном, сдавленном слове сплелись в тугой узел вся боль разорванного доверия, весь шок, вся бездонная, чёрная глубина предательства, проглатывающая свет. — Ты... Стража!

И они явились — не шагнули, а материализовались из самой тени за колоннами, беззвучные, в доспехах, отливавших холодным светом умирающих звёзд; их лица, скрытые масками из лунного металла, не выражали ничего, будучи лишь отполированными поверхностями, отражающими ужас тех, на кого они смотрят. Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый призвал стражу, приказав привести того, кто стоял в самой сердцевине этого ядовитого цветка заговора, и как бы ни разрывалось от предчувствия его собственное сердце — а оно рвало на части, кричало, истекало незримой кровью, — им оказался Гораций. Старый полувампир с мудрыми морщинами у глаз, тот, кто учил его держать меч и дипломатично уклоняться от прямых вопросов, кто был не слугой, а почти отцом, членом семьи в пустых, холодных залах детства.

Когда ввели Горация, и его взгляд, помутневший от страха, встретился с глазами пойманного убийцы — того самого «торговца», что за два дня до этого так непринуждённо бродил по дворцовым садам, — всё окончательно встало на свои чудовищные места. Старик не стал лгать, не стал изворачиваться; он просто опустился на колени, и в этом движении была страшная, конечная покорность судьбе, которую он сам и выковал.

— Ваше величество, умоляю, — голос его, обычно такой бархатный и убедительный, теперь был похож на скрип ржавых петель, — пощадите моих дочерей, моего сына... они не ведали, лишь слепо шли за отцом, дети ни в чём не виноваты...

Он понял, что его приперли к стене, что игра кончена — ведь убийца, его лучший друг, с которым они когда-то делили кров и вино, не вынес пыток и пролил всё, как опрокидывают кубок с отравленным вином.

— Как ты... как ты вообще посмел?! — голос короля взорвался не криком, а чем-то сокрушительным, раскатистым громом, в котором смешались ярость испепеляющей звезды и детская, незаживающая обида. — Червь презренный! Я же... я же тебе доверял как себе!

Это был не просто гнев властителя, это был вопль раненого зверя, которому в самое сердце вогнали нож, причём рукой, которую он считал своей.

— Ваше величество, это всё... всё было ради них, ради семьи... — начал было Гораций, цепляясь за последнее оправдание, которое ещё теплилось в его душе.

Но король уже не слышал. Рука его взметнулась в порыве бессильной ярости, и невидимая волна магии, густая и тяжёлая, как удар кувалды, отшвырнула старика к каменной стене с таким глухим, костным стуком, что у Янэс перехватило дыхание.

— Больше всего на свете ненавижу я предательство, эту ржавчину, что разъедает самые крепкие узы! — его слова падали, как обломки скал. — Стража! В оковы его, и пусть весь двор видит, куда ведёт путь измены! В тронный зал! Приготовьте отравленный клинок, пусть он почувствует, каков вкус у смерти, которую он покупал. И детей его... приведите. Сейчас же, и чтобы в оковах.

Янэс или Филь ругала себя, о боги, как же она наивно думала, что тяжело, когда пытаются тебя самого, но это боль физическая, её можно как-то перетерпеть, отрешиться. Оказывается, же, воистину невыносимо, когда видишь пытку со стороны, если ты свидетель, прикованный к месту ледяным ужасом, не в силах дрогнуть даже веком. Это было в тысячу раз тяжелее.

Его пытали. Медленно, с холодной, почти научной жестокостью, растягивая каждый момент агонии, выворачивая наизнанку каждую крупицу достоинства. Жестоко, с изобретательностью, которой позавидовали бы самые мрачные демоны преисподней. Бесчеловечно, попирая все те законы милосердия и справедливости, что король когда-то собственноручно вписывал в своды законов, — и в этом поприании был особый, горький цинизм. Король не щадил никого: он заставил Горация смотреть, как ломают изящные, писавшие стихи пальцы его сыну, как его старшей дочери, той, что пела так дивно, выжигали на щеке клеймо раскалённым железом в форме падшего листа — его личного герба.

Когда же стало окончательно ясно, что Гораций выплеснул всю свою гнилую тайну до дна, что эта жалкая, мелкая афера раскрыта во всей её неприглядной наготы, наступил час расплаты. Девушек, этих некогда прекрасных полувампириш, чья красота теперь была изуродована болью и позором, отправили в трюмы невольничьего корабля, плывущего в проклятую страну Дол Гулдур, где под чёрным солнцем правят орки. Янэс слышала краем слуха, знала из страшных сказаний, что женщинам там не выжить, что их хрупкость и ночная природа полувампиров превращают их не в рабынь, а в живые игрушки для кровавых забав, в мимолётное утешение, которое выбрасывают на съедение гончим, когда оно надоедает. Сына советника, тихого юношу с глазами мечтателя, который грезил не властью, а пыльными фолиантами в библиотеке, король обезглавил собственноручно, на глазах у отца, — удар был стремителен и точен, а звук падающего тела она запомнит навсегда. Самого Горация, того, с кого всё началось, приказал сжечь заживо на главной площади с первыми лучами солнца, чтобы каждый, от вельможи до нищего, видел и впитывал костным мозгом простую истину: такова цена за взгляд, обращённый против короны.

И самое горькое, самое нелепое и оттого бесконечно трагичное во всей этой кровавой симфонии ужаса была её цель, ничтожная пружина. Советник, десятилетия купавшийся в лучах королевского доверия, до того к нему привыкший, что начал считать его своей собственной тенью, подсутил в королевский гарем свою младшую дочь — пустоголовую, но ослепительно прекрасную куклу. Он лелеял надежду, мечтал, что она подарит трону наследника, что её кровь смешается с королевской. Но король, уставший от её глупого щебета, быстро охладел. «Пустая, хоть и знатного рода», — бросил он однажды Горацию в сердцах, даже не подозревая,

какая рана зияет от этих небрежных слов. А старик, этот мудрый, выдавший виды полувампира, настолько ослеп любовью к детям, что эта любовь превратилась в чудовище; он заткнул ей уши, чтобы не слышать голос долга, и пошёл на предательство. Сделать из короля послушную марионетку, а через неё, как через тончайшую перчатку, управлять самой державой, возведя свой род на недостижимую вершину.

Как же это... до слепоты, до самоуничтожения глупо, — вихрилось в голове у Янэс, пока она смотрела, как языки пламени на площади лижут сначала башмаки, потом рясу, потом седые волосы того, кого ещё вчера называла другом. *Ради чего? Ради призрака величия, ради счастья, построенного на костях? Как можно было, как смела его душа даже в самых тёмных, самых потаённых уголках мысли породить такое... пойти против?*

Она не понимала тогда, в тот ужасный рассвет, что король, кричащий от боли, которая разрывала его изнутри, уже перестал быть просто дроу по имени - Анут Иабор. Это было Сердце Планеты, сама её пульсирующая, живая сущность, и предательство, поразившее его, было подобно ядовитому шипу, вонзившемуся в самый центр мироздания. Боль, которую он чувствовал, эхом отдавалась в глубинных пластах реальности, вызывая тихие, невидимые миру сдвиги. И мир, через своего короля-сердце, ответил не человеческой местью, а стихийной, безличной чисткой. Он не карал предателя, а выжигал раковую клетку, угрожавшую всему организму, невзирая на крики, на мольбы, на былое.

Когда пепел Горация, смешавшийся с уличной пылью, разнесли по городу первые порывы ветра, король вернулся в тронный зал. Он сел на свой высокий трон, обхватив резные подлокотники пальцами, белыми от напряжения. И когда его взгляд, медленный, тяжёлый, нашёл в толпе придворных Янэс, она замерла. В его глазах, всегда таких живых, тёплых, способных на добрую усмешку, не осталось ничего. Только холодная, абсолютная пустота двух кусков чёрного обсидиана, в которых отражался лишь угасший огонь костра на площади. В тот миг она с ледяной ясностью осознала: тот, кто способен на такую кару, уже никогда не будет прежним. Часть его человечности, та, что умела прощать, сомневаться, жалеть, сгорела там же, на площади, вместе с Горацием. Или, быть может, она просто отступила, уступив место чему-то древнему, неумолимому и страшному — той самой истинной природе Сердца, что бьётся не для отдельных судеб, а для жизни целого мира, без сантиментов и пощады.

Спустя какое время...

Тронный зал опустел, тяжёлый воздух замерший от невысказанного ужаса, висела тишина как свинцовое покрывало — последние придворные, шурша шелками и скрывая взгляды, полные молчаливого осуждения и страха, поспешно растворились в боковых проходах, оставив короля и Янэс в этом огромном, звенящем пространстве, где каждый звук отдавался эхом недавней расправы.

Он стоял у высокого окна, не глядя на площадь с почерневшим эшафотом, а вглядываясь в туманную даль за горизонтом, будто надеясь найти там хоть крупицу смысла в том бессмысленном кровопролитии, которое он сам же и совершил — его плечи, некогда такие прямые и непоколебимые, казалось, согнулись под невидимым грузом, не под тяжестью золотой короны, а под всем весом только что свершившегося ужаса.

— Всем... — голос его прорвал тишину, хриплый и непривычно тихий после недавнего громового раската, он не обернулся, — Всем оставить нас, а тебе, капитан стражи, у дверей быть, и чтобы никто не смел войти без моего зова.

Когда тяжёлые дубовые двери с глухим, окончательным стуком закрылись, отсекая их от внешнего мира, он медленно повернулся — лицо его, ещё недавно искажённое яростью, было теперь лишь бледной маской усталости, высеченной из мрамора, он провел рукой по глазам, долгим и усталым жестом, будто пытаясь стереть не только физическую, но и душевную боль, и взгляд его, наконец, упал на Янэс, стоявшую неподвижно у подножия трона, стараясь дышать так тихо, чтобы не нарушить эту хрупкую, ледяную атмосферу.

Он шагнул к ней, не властной поступью повелителя, а неуверенно, почти спотыкаясь о собственную тень, остановился в двух шагах и молчал, долго, подбирая слова, которые, он чувствовал, все равно лягут неправильно, не смогут передать весь тот хаос, что бушевал внутри.

– Я... – начал он и снова замолчал, сжав кулаки так, что костяшки побелели, – Я тебе не доверяю, как и теперь, по правде, никому не верю, но за то, что спасла мою жизнь... – он отвернулся, резко глотнув воздух, и Янэс увидела, как дрогнула его челюсть, как напряглись мышцы на шее – ей было видно, как неимоверно тяжело давались ему эти слова, будто он вытаскивал их из самой глубины, из-под завалов собственной боли и гнева, – Спасибо.

Он произнес это слово так тихо, что его едва можно было расслышать, но в этой звенящей тишине оно прозвучало громче любого приказа, весомее любой королевской декларации.

– И... – он сделал паузу, заставляя себя встретиться с ее взглядом, и в его глаза, помимо усталости, было что-то беззащитное, почти детское – настоящая просьба, сокровенная мольба о передышке, о кусочке человеческого тепла в этом остывающем мире, – Не называй меня больше «Вашим Величеством», просто... имени будет достаточно, Анут Иабор, мне нужно... – он оборвал фразу, не решаясь договорить, и закончил шепотом, больше похожим на признание самому себе, на крик загнанной в угол души, – Хоть какого-то тепла.

Янэс почувствовала, как сердце у нее болезненно сжалось, будто холодной рукой, она опустила голову, скрывая внезапную дрожь в веках, и поклон ее был безупречно низким, безупречно холодным, отточенным годами службы и выученной осторожности.

– Господин, в ваших же собственных законах, в «Своде дворцового этикета», глава седьмая, пункт третий, черным по белокрылому пергаменту написано, что обращаться к королю по имени дозволено лишь супруге, венчанной и коронованной, а я же... – голос ее звучал ровно, монотонно, как заученная молитва, как струна, натянутая до предела и готовящаяся лопнуть, – Лишь ваша покорная слуга, чье положение в этих стенах и без того столь жалко и двусмысленно, что не стоит его усугублять нарушением священных устоев.

Выпрямившись, она все же держала глаза опущенными, устремленными в узор на каменном полу, где солнечный луч играл пятнами света и тени.

Наступила тишина, густая, давящая, будто воздух сам застыл в ожидании, и вдруг она была взорвана.

– Да почему ты такая... – он не кричал, он прошипел это сквозь стиснутые зубы, и в этом шипении выплеснулась вся накопившаяся за день ярость, раздражение, бессилие перед этой непробиваемой стеной ледяной формальности, – Холодная, до червяков раздражает эта твоя ледяная покорность, будто говоришь не со мной, а с памятником!

Он отшатнулся, резко провел рукой по волосам, сминая идеальную укладку, видно было, как он пытается взять себя в руки, подавить эту вспышку, которая была лишь отражением той внутренней бури, что крушила все внутри, он отвернулся, уставившись на огромный дубовый стол, заваленный свитками, картами и книгами в потрепанных переплетах, будто пытаясь найти в них хоть какую-то отдушину, хоть каплю смысла.

– Ладно, – выдохнул он, сдаваясь, сдаваясь не ей, а собственному чувству невозможности пробиться сквозь эту броню, – Ладно... остановимся на «господине».

Он махнул рукой в сторону стола, не глядя на нее, будто этот жест был последним прибежищем уставшего человека.

– Видишь книги, возьми любую, читай, изучай, что хочешь, мне... – он запнулся, и в его голосе снова прозвучала та странная, неуместная нота – почти нежность, тщательно скрываемая под маской привычного повеления, будто он сам боялся этой мягкости, – Мне нравится смотреть на твое сосредоточенное лицо, когда ты читаешь, оно... становится живым.

Янэс медленно подняла глаза – его профиль был обращен к окну, и солнечный луч золотил ресницы, делая их не такими тяжелыми, она посмотрела на грудку книг, потом снова на

него, и, опустившись в еще один, на этот раз совсем неглубокий, почти формальный поклон, тихо ответила:

– Как прикажете, господин.

Глава 10.

Капитан стражи.

Капитан Рилан стоял у двери Тронного зала, как монолит, вросший в каменные плиты, его доспехи не звенели, дыхание было спокойным и глубоким — искусство десятилетней службы, когда тело становится продолжением охраняемого пространства. Но внутри, под стальной кирасой, мысли металась как плененные птицы.

Он слышал, сначала — оглушающую тишину после того, как двери захлопнулись, отсекая мир от двух личностей внутри. Тишину, которая была гуше любого крика. Затем — приглушенный голос Короля, не громовой раскат приказа, а что-то хриплое, надломленное, слово «спасибо», пробившееся сквозь дубовую толщину дверей так четко, что Рилан почувствовал странное жало в груди. Никогда он не слышал, чтобы Анут Иабор благодарил.

А потом — длительное молчание, в котором лишь его собственное сердце отбивало тревожный ритм. Что там происходит? Допрос? Нечто более страшное, более личное? Рилан был верен не только Королю, но и порядку, и этот новый, неопиcуемый порядок, где Король и служанка оставались в пустом зале после казни, нарушал все неписанные законы двора.

Его глаза, привыкшие замечать движение в самом темном углу галереи, увидели и другое. В боковых арках, в тени колонн, мелькали шелковые платья и богатые кафтаны. Придворные не ушли, они затаились, как змеи под камнями, их глаза блестели от возбуждения, а губы шептали беззвучные слова, которые Рилан читал по выражению лиц: недоумение, страх, жадное любопытство.

Один из старых советников, лысый как яйцо и острый как игла, проскользнул ближе, его шепот, предназначенный для молодого родственника, достиг слуха капитана: «Фаворитка. Вот что. После такого дня — и он выбирает уединение с ней. Это знак, яснее любого указа».

Другой, женщина с лицом, похожим на засохшую розу, шепела своей спутнице: «Почему она? Простая служанка, без рода, без имени. Он мог выбрать любую из нас...»

Рилан оставался неподвижен, но каждый мускул его лица напрягся. Он не был мастером интриг, но понимал их язык взглядов, шепотов, случайно отведенных глаз. Этот сейчас говорил одно: Янэс иль Филь стала центром. Не Король с его гневом, а она, безмолвная и холодная, стала мишенью, точкой, в которую теперь будет направлено вся зависть, страх, все ножницы придворных сплетен, мишень без защиты.

В его голове, четкой и дисциплинированной, складывалась картина: слухи уже распространяются, как ядовитый туман. Они достигнут ушей дальних родственников, влиятельных сановников, офицеров гарнизона. Для некоторых она станет символом незаконного влияния, для других — слабостью Короля, которую можно использовать. Рилан видел, как такие мишени исчезали в прошлом — не по приказу Короля, а по воле «несчастливого случая», «болезни», «несчастной любви». Двор умел устранять проблемы без прямых приказаний.

Дверь открылась.

Не широко, не с грохотом, а настолько, чтобы пропустить одну фигуру, леди Янэс вышла. Прошла мимо Рилана, не глядя на него, ее лицо было той же безупречной маской, но капитан, научившийся читать микродвижения даже у самых стойких, заметил: край ее нижней губы был чуть более красным, будто прикушенным, пальцы, спрятанные в складках платья, сжаты в такой тугий комок, что это должно было причинять боль. Она несла с собой не только холод, но и сдавленную, невысказанную тревогу.

За ней, в проеме двери, стоял Король. Рилан увидел его лицо — не маску власти, а лицо обычного дров. Усталое, с глубокими тенями под глазами, но с странным, новым отсветом в взгляде, который он не мог сразу определить. На столе, который капитан видел лишь мельком, лежала книга, сдвинутая с первоначального места, одна.

— *Капитан, войди,* — голос Короля был тихим, но твердым, вернувшись к своему командному тону, однако в нем еще висела тень той странной, надломленной интонации.

Рилан шагнул внутрь, закрыл дверь и опустил в традиционный, глубокий поклон слуги и солдата.

— *Ваше Величие.*

— *Отчет. Что за дверью?* — Король не сел в трон. Он стоял рядом с столом, его рука лежала на том самом месте, где лежала книга.

Рилан поднялся, его доклад был четким, как утренний рапорт: кто остался в галерее, кто наблюдал, какие группы формировались, назвал имена. Он рассказал о шепотах, затем, сделав паузу и опустив голос до такого уровня, что слова становились почти неразличимыми даже в тишине зала, он добавил то, что не являлось частью формального доклада:

— *Ваше Величие... слухи растут. Ее положение становится мишенью.*

Король молчал секунду, две, три. Он смотрел не на Рилана, а в окно, где последние лучи солнца окрашивали площадь в багровый цвет эшафота и крови.

— *Я тебя понял,* — сказал он и эти слова были не приказом, а признанием, тяжелым и горьким. Затем он повернулся, и его глаза, теперь снова ясные и твердые, встретились с взглядом капитана.

— *Поручение будет такое. Организовать охрану для Янэс иль Филь. Не дворцовую, не формальную. Тайную, постоянную, из доверенных которых ты знаешь, доверяешь большие жизни. Она должна иметь возможность для похода в город — по своим делам, по необходимости. Но каждый ее шаг вне этих стен должен быть покрыт щитом, который она не увидит, но который будет там. И этот щит, капитан, должен быть готов не только к угрозам извне, но и к тем, что могут прийти изнутри, из наших же стен. Ты понимаешь меня?*

Рилан опустил голову, понимал. Это был не приказ об охране слуги. Это был приказ о защите мишени, о создании невидимой крепости вокруг человека, который стал центром ядовитого внимания. И в этом приказе, в его скрытой интенсивности, капитан слышал нечто большее, чем королевскую волю. Он слышал тревогу, личную и глубокую.

— *Понимаю, Ваше Величие. Щит будет создан. Она не узнает о его существовании, но он будет там.*

Король медленно кивнул, и в этом кивке была тяжесть принятого решения, решения, которое не защищало его власть, но защищало что-то иное, более хрупкое и опасное.

— *Сделай это,* — сказал он, и его голос снова стал голосом повелителя, но Рилан знал, что под этой броней пряталось что-то иное. И он поклонился, чтобы исполнить не просто приказ, но долг, который теперь стал гораздо более сложным и глубоким.

Янэс иль Филь.

Страницы учебника истории лежали под моими пальцами, шершавые и холодные, я водила взглядом по сухим перечислениям: люди составляют основу населения, дворфы на севере держат рудники и кузницы, эльфы-отшельники в лесах Энфилда избегают контактов, тролли каменных ущелий промышляют грабежом караванов, но платят дань железом, полурослики с их невероятной ловкостью контролируют городские гильдии воров и информаторов, аэрлинги — эти неземные создания с кожей, отливающей перламутром, — редко спускаются с горных вершин, торгуя лишь магическими кристаллами, а зверолоды, покрытые шерстью и хранящие древнюю ярость, кочуют по степным просторам, вызывая и страх, и скрытое восхищение; основной экспорт — руда, лён и резная древесина, импорт — специи, шёлк, сложные механизмы с Южных островов, — но слова плыли, не цепляясь, потому что весь мой мир сжался до одного невыносимого ощущения, до его взгляда.

Он сидел у окна, вполоборота, и я не видела его прямо, но чувствовала — кожей, затылком, дрожью в запястьях, — как этот взгляд скользит по линии моей шеи, останавливается на пальцах, перебирающих угол страницы, впитывает каждую морщинку на моём лбу от напря-

жения, и это было хуже крика, хуже гнева, это было тихое, неумолимое изучение, будто я не живая, а застывший образец, бабочка, приколотая булавкой к бархату его внимания, и каждый мой вдох казался слишком громким, а сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из клетки рёбер.

И вдруг — его голос, рубящий тишину, как топор лёд: — Тебе удобно в той одежде, что я тебе подготовил?

Я заставила глаза не отрываться от карты торговых путей, где извивались красные линии, как вены, пальцы сжали переплёт так, что костяшки побелели. — Господин, отвечаю на все ваши вопросы, всем я довольна, — прозвучало ровно, отрепетировано, хотя внутри всё обобвалось и замерло в ожидании удара.

Пауза повисла густая, тяжёлая, будто воздух стал сиропом, и в ней его следующий вопрос прозвучал тише, но острее: — И ты ничего не хочешь?

Это было уже не просто испытание, ловушка, расставленная с таким мастерством, что любое движение — вперёд или назад — грозило падением, и я медленно, преодолевая сопротивление собственного страха, подняла на него взгляд, встретив не гнев, а то странное, почти хищное ожидание, которое уже начала в нём узнавать, и почувствовала — всем нутром, каждым нервом, — как в короле вспыхнула та самая энергия, резкая и живая, будто он только что увидел решение сложнейшей задачи, и это заставило моё собственное сердце ёкнуть с болезненной надеждой. — Если позволите дерзость, — начала я, и слова казались чужими, вытянутыми из глубин какой-то другой, смелой версии меня, — то хотелось бы отправиться в город, осмотреться и изучить, а ещё... любопытно, как дамы одеваются в вашей стране.

Он не шелохнулся, но что-то в нём переключилось — напряжение ожидания сменилось мгновенной, холодной ясностью, и я поняла, что угадала, попала в какую-то невидимую цель, о существовании которой даже не подозревала. — Я тебя услышал, — произнёс он, и его голос снова стал гладким, королевским, но теперь в нём слышалась уже не резкость, а та самая твёрдая решимость, которая предшествует битве. — Можешь идти в свои покои, всё устрою.

Удивление и страх — да, они были, цепкие и холодные, но сквозь них прорывалось нечто иное: острая, почти болезненная догадка, что этот дроу, этот король, с каждым днём, с каждой такой немислимой сценой, разбирает по камешку не только стены вокруг себя, но и мои собственные, и я, стоя здесь, чувствую, как под ногами исчезает твёрдый пол привычного рабства, открывая пропасть чего-то нового, страшного и невероятно живого.

Я опустила в поклон, глубокий и безупречный, чтобы скрыть дрожь в коленях и замешательство в глазах. — Благодарю, господин, так и сделаю.

И, повернувшись к двери, я всё ещё чувствовала его взгляд на своей спине — тяжёлый, неумолимый, как печать, которая только что поставила на мне свою новую, неведомую цену.

Спустя время...

Воздух города врезался в сознание не как дыхание свободы, а как удушающая волна жизни, густая, насыщенная тысячей криков, запахов и движений, которые перебивали друг друга, создавая хаотичный гимн существования, и я стояла на краю главной рыночной площади, чувствуя, как мир, ранее сжатый до сухих строчек учебника, разрывается передо мной в буйстве живых, пульсирующих деталей.

Здесь, под открытым небом, пахло не пылью древних фолиантов, но горячим хлебом из печей, чей аромат смешивался с резкой сладостью южных специй, с древесным дымом, с терпким запахом человеческого пота и гниющих овощей, и все эти запахи сплетались в один грубый, честный парфюм труда и выживания, который захватывал дыхание и заставлял сердце биться быстрее, будто я вдруг очнулась от долгого сна. Торговцы, грубоватые и шумные, выкрикивали свои цены не с придворной сдержанностью, но с животной энергией, с каждым криком вырывая из толпы возможность заработать, прокричать, выжить, и я видел их — настоящих, живых, не абстрактных понятий, но с морщинами на лицах и тревогой в глазах.

Гномы, которых я представляла лишь как силуэты на картах горных хребтов, здесь были настоящими: их лица, покрытые сеткой прожилок от горного солнца и угольной пыли, хмурились в споре о чистоте железного слитка, их руки, короткие и мощные, сжимали металл с такой уверенностью, будто он был продолжением их тела, частью их гордой, незыблемой сущности, и я смотрела на них с трепетом, понимая, что каждая строчка учебника была лишь тенью этой железной, непреклонной реальности.

И там, в потоке толпы, я заметила движение — ловкое, почти невидимое, полурослик, мальчик с глазами старого хищника, слился с толпой, его рука мелькнула у пояса богатого торговца тканями, и кошель исчез будто его и не было, растворился в воздухе с мастерством, которое было одновременно ужасающим и восхитительным, и я не удивилась, ведь в учебнике говорилось об их гибкости, но видеть это искусство, эту отточенную в тысячах улиц грацию, было совсем другим знанием, прозрением в темную, пульсирующую кровеносную систему города, в его живую, неукротимую суть.

А потом, в тени узкого переулочка между лавками кожевников, где воздух был плотным от запаха дубильных веществ, я увидел зверолода, не на иллюстрации, где он был изображен как монстр, но живого: его шерсть, густая и грубая, колыхалась на спине под грубой туникой, мощные плечи двигались с осторожной силой, будто он всегда готов был к прыжку, к рыку, к возврату в дикое состояние, но сейчас он покупал что-то у старухи, его движения были сдержанны, почти уважительны, и в этом контрасте между древней яростью и тонкой цепью цивилизации, сдерживающей его, рождалось странное восхищение, смешанное со страхом, будто я наблюдал за силой, которая лишь временно согласилась на правила игры в клетке из камня и закона.

Капитан стражи, Рилан, наблюдал издалека, с балкончика над скобяной лавкой, его задача была проста — обеспечить безопасность без ее ведома, но что он видел, удивляло его, ведь она не просто смотрела, она читала город, словно сложный, многослойный текст, его глаза отмечали, как взгляд, вместо того чтобы разбежаться в панике от шума, методично перемещается от одного элемента к другому: от груды овощей к работе кузнеца, от спора двух торговцев к детям, играющим в сточной канаве, и он видел в этом не страх рабской девушки на свободе, но холодную, аналитическую наблюдательность, которая вызывала в нем странное, непрошенное уважение, ведь он привык к трусости или глупости тех, кого охранял, а она была неожиданной, непредсказуемой, словно новый вид опасности, которую нужно изучать.

Потом ее путь лежал в лавку тканей и готовой одежды, не роскошную, но практичную, ту, где покупали ремесленники и мелкие торговцы, и она выбирала не яркие цвета или сложные фасоны, как могла бы делать дама, жаждущая внимания, но с холодной расчетливостью, ее пальцы пробегали по тканям, оценивая не блеск, но плотность, вес, гибкость, способность материала защищать и не ограничивать движение, и она выбрала комплект из двух частей: длинную, слегка расклешенную куртку из плотного, серо-зеленого льна, похожую на те, что носили эльфы-путешественники для защиты от ветра и грязи, и под ней — узкие, облегающие штаны из смеси кожи и мягкой ткани, напоминающие основу под легкую броню, и этот выбор был безмолвным криком ее инстинкта, ведь она одевалась не для красоты, но для потенциальной угрозы, для свободы действий, чтобы слиться с толпой и не быть обремененной, и Рилан отметил это, чувствуя одновременно тревогу и признание, ведь такая одежда говорила о мышлении стратега, о глубинах ее личности, которые еще не раскрылись.

Наибольшее удивление ожидало его у стенда дворфского оружейника, который был не просто лавкой, но демонстрацией абсолютного мастерства, где мечи, топоры, кинжалы лежали не украшенные, но идеальные в своей балансе, с лезвиями, казавшимися выточенными из самой темной, застывшей воды, и Янэс не просто загляделась, она взяла один из коротких мечей, предложенных мастером для демонстрации баланса, ее рука обхватила рукоять не как рука новичка, неуверенно и слабо, но с немедленной, правильной хваткой — пальцы заняли

свои места, вес распределился между ладонью и предплечьем с естественностью, которую нельзя было имитировать, она сделала несколько медленных, контрольных движений, не ударов, но проверок на баланс, на отклик металла, и в этих движениях была грация, знание, отточенное часами практики, возможно, даже тренировок, и это разрушило все предыдущие оценки Рилана, ведь рабыни, даже образованные, не держат меч таким образом, с такой уверенностью, с такой внутренней силой.

«Опытная», прошептал он себе, ощущая холодок пробегающий по спине, «искусная», и этот факт, скрытый под маской тихой учтивости, открыл целый новый уровень этой девушки, стоящей рядом с королем, ведь она была не просто умной, но потенциально опасной, обладающей навыками, которые могли быть направлены как на защиту, так и на угрозу, и это делало наблюдение за ней не просто обязанностью, но необходимостью высшего порядка, тайной, которую он теперь должен был хранить и анализировать.

Возвращаясь в покои, Янэс несла не просто впечатления от города, но новый образ себя, образ наблюдателя, оценивающего, готового, а Рилан теперь нес в голове новое знание о ней — знание, которое могло изменить баланс сил во дворце, перевернуть все ожидания и, возможно, само будущее этой странной, непонятной девушки, которая вдруг оказалась гораздо больше, чем просто рабыня с умным взглядом.

Глава 11.

Тяжелые дубовые ворота дворца, глухо и неумолимо, сомкнулись за их спинами, словно последний глоток свободы был вырван и поглощен этими вековыми стенами, а хаотичный гимн рынка — крики торговцев, запах горячего хлеба и труда — растворился в торжественном, давящем гуле каменных коридоров и власти, который теперь казался не просто фоном, но звуком ее новой, изощренной клетки. Янэс шагала по знакомому, холодному коридору, пальцы так крепко впивались в сверток с новой одеждой, что ткань могла порваться, ведь она пыталась удержать в ладонях не просто вещи, а ощущение того живого мира, той звенящей, пульсирующей свободы, что осталась за стенами, превратившись теперь лишь в воспоминание, в сладкий и горький призрак.

В ее покоях воздух был другим — неподвижным, пропитанным запахом полированного воска, успокаивающих трав из саше и этой особенной, гнетущей тишины, которая свойственна только местам, где люди боятся даже шептать, контраст между шумом улицы и этой мертвой гармонией был столь оглушающим, что она на мгновение остановилась, закрывая глаза, пытаясь вновь услышать в памяти крик гнома-оружейника. Она развернула куртку цвета лесной глины после дождя, положила ее на покрытую тонким шелком кровать, и провела ладонью по шву, ощущая под пальцами не просто нитки, но прочность, надежность, защиту этого плетения — это была не просто одежда, это была новая кожа, молчаливое, но красноречивое обещание другого будущего, где она сможет двигаться, сливаться с толпой и, возможно, однажды исчезнуть.

Капитан Рилан, напротив, двигался с той привычной, железной целеустремленностью, которая превращала его в часть механизма дворца, шаги, четкие и неумолимые, отбивали ритм по каменным плитам, ведущим в кабинет короля, а доклад уже был готов в голове, выверен, как строевая дисциплина, но в груди он ощущал необычную тяжесть невысказанного, не поддающегося строевому отчету — как описать то, что видел глазами опытного солдата и следопыта, не нарушение, но откровение, не странность, но тревожный признак глубины, скрытой под тихой поверхностью.

Он вошел в кабинет, где воздух был густ, как старый портвейн, от запаха пергамента, дорогого красного дерева и абсолютной, неоспоримой власти, Король Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый стоял у высокого окна, спиной к нему, созерцая свои владения — город, который сегодня она изучала как любопытный экспонат, его фигура, обычно незыблемый монолит уверенности, казалась погруженной в раздумья, но не мирные, а напряженные, будто он читал в узорах облаков на горизонте не красоту, но скрытые угрозы.

— Ваше Величество, — произнес Рилан, опускаясь на одно колено, и его голос был тверд, как скала, но в глубине тона, возможно, пряталась тень неопределенности.

— Встань, Капитан, и Расскажи мне о «происшествиях», которые так мастерски избежали формального описания, — голос короля был спокоен, холоден, как поверхность ледяного озера, но под этой гладью звучала сталь ожидания, требующая не формальных отчетов, но сути, он обернулся, и его глаза, цвета ночного неба перед бурей, изучали лицо Рилана, читая в каждой микроскопической линии напряжения больше, чем могли бы выразить тысячи слов.

Рилан встал, ощущая привычный вес доспехов на плечах, но теперь этот вес казался легче того, что должен был высказать, он начал свой доклад, методично, как и всегда, рассказывая об ее наблюдательности, о том, как она «читала» толпу, словно сложный зашифрованный текст, как заметила карманника-полурослика в момент, когда даже его лучший стрелок, следящий за периметром, пропустил эту ловкую, почти эфемерную кражу, описал выбор одежды — не баловство или стремление к красоте, но холодный, стратегический расчет, одежду для тени, для движения, для потенциального бегства или борьбы, Король слушал, не прерывая, его

пальцы, длинные и изящные, медленно барабанили по дубовому столешнице, но этот барабанный звук был не нервным, а аналитическим, словно он прослушивал ритм скрытой информации.

– Любопытно, – произнес Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый, когда Рилан замолчал, и слово «любопытно» звучало не как легкая заинтересованность, а как признак начала сложного вычисления, – Она воспринимает мир как поле боя, даже среди мирного рынка, где народ торгуют овощами и тканями, но это еще не все, не так ли, Капитан, твой взгляд, поза говорят о чем-то более личном, более остром, о том, что не укладывается в строки доклада.

Рилан сделал паузу, внутренний долг солдата, требующий точности и беспристрастности, боролся с интуицией следопыта, с тем звериным чутьем, которое предупреждает о скрытой опасности в тени, и в этот момент интуиция победила, прорвавшись через дисциплину, как корень через камень.

– Она подошла к стенду дворфского оружия, Ваше Величество, не как покупательница, но как оценивающий специалист, взяла тренировочный короткий меч, предложенный для демонстрации баланса, и не для забавы, не для игры, она взяла его... – он подыскал слово, задержав дыхание, – **правильно**, с той хваткой, которая рождается не из любопытства, но из часов повторений, из мышечной памяти, движения, которые она сделала — проверка баланса, оценка веса, отклика рукояти — в них была не новизна, но опыт, я бы не назвал это любопытством новичка, это был холодный, методичный анализ опытного бойца, знающего, что меч — это не украшение, но инструмент жизни и смерти.

Тишина в кабинете стала густой, как смола, заполнив пространство между словами и мыслями, Король перестал барабанить пальцами, и его взгляд стал отстраненным, острым, будто он видел теперь не комнату, но внутреннюю схему этой девушки, сложную и потенциально опасную.

– Опытного бойца, – повторил он без интонации, словно пробуя на вкус эту невозможную, противоречивую мысль, которая разрушала все предыдущие построения о ледяной девушке – Ты уверен в этом, Капитан, уверен не как солдат в факте, но как охотник в следе.

– Настолько, насколько можно быть уверенным, глядя со стороны, Ваше Величество, она не играла, не делала неуверенных движений, она **знала** оружие, как знают инструмент своей профессии.

Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый медленно прошел к своему креслу, но не сел, он стоял, словно его тело отказалось от отдыха перед новым вызовом, и смотрел в пустоту за окном, где начинало сгущаться вечернее небо, окрашивая город в синие и фиолетовые тона, цвета тайны и скрытых намерений.

– Страх и голод к знаниям я предполагал в ней, но это... это меняет все уравнение, Капитан, девушка, способная читать тактику на улице, как полководцы читают карты, и держать меч как гвардеец, прошедший сотни тренировок, кто она, что скрывает ее холод — беззащитность или угрозу, невинность или выученную, закаленную опасность.

– Угрозу, которую можно изучить, Ваше Величество, – рискнул Рилан, чувствуя, как слова выходят из него, нарушая обычную осторожность, – Угрозу, которую, возможно, можно направить в нужное русло, как направляют реку, изменяя ее течение, но не силу.

Король повернулся к нему, и в его глазах, обычно холодных и расчетливых, вспыхнул огонь, не теплый, но яркий, огонь холодного, хищного интереса, как у ученого, обнаружившего новый, непонятный, но потенциально полезный вирус.

– Именно, направить, или понять, теории строить бесполезно, они будут лишь домыслами в пустоте, нужны... эмпирические данные, факты, полученные в действии, – он сделал паузу, столь долгую, что Рилан почувствовал, как время в комнате замедлилось, – Ты готов проверить ее навыки лично, Капитан Рилан, в контролируемых условиях, без риска для ее жизни, но

без поблажек, без снисхождения, как будто перед тобой стоит не девушка, но неизвестный противник.

Рилан почувствовал, как в груди сжалось что-то сложное, смесь волнения от предстоящего испытания и предчувствия, будто он открывает ящик, в котором может лежать что-то прекрасное или ужасное, он никогда не боялся боя, но боялся неизвестности, которая сейчас стояла перед ним в образе этой девушки.

– Готов, Ваше Величество, но как это обосновать, как предложить ей, она может отказаться, испугаться, увидеть в этом угрозу.

– Скажи ей, что это новый этап. Что её король желает увидеть **всю** Янэс иль Филь – не только читателя книг и карт, но и того, кто скрывается в её мышцах и рефлексам. Что это честь – показать себя. И наблюдай, Капитан.

Рилан склонил голову, понимая, что приказ обрёл новую глубину. Это была уже не просто ловушка-допрос. Это было приглашение на танец, где король жаждал увидеть истинное лицо своей самой загадочной подопечной, и Рилан должен был стать его глазами и мерилком.

– Исполню, Ваше Величество. Но... если она проявит нечто большее, чем ожидается? Если её навыки окажутся... значительными? Одного свидетеля будет достаточно для оценки?

Король повернулся от окна, и его взгляд загорелся.

– Отличная мысль. Одного свидетеля – мало, правда, вырванная в схватке один на один, может быть субъективной. Пригласи на задний двор завтра на рассвете не только её. Пусть придут Лейтенант Гаррик с его безупречным фехтовальным стилем, и Сержант Валра с её знанием уличной, грязной драки, они должны стоять в тени и наблюдают. Молча. Только самые лучшие, самые проникающие. Я хочу, чтобы после этого у меня было не одно мнение, а три. Чтобы ни один нюанс, ни один скрытый навык не ускользнул.

Он подошёл ближе, и его слова прозвучали как доверительная, но железная воля.

– И да, Рилан, ты понял правильно. Это приказ. Но подай его не как цепь, а как вызов. Она не откажется. В её природе – отвечать на вызов. В этом я уверен абсолютно.

– Понял, Ваше Величество, – Рилан отсалютовал, и теперь в его уме, помимо сценариев боя, выстраивалась иная картина: песчаный двор, озарённый первым светом, он в центре, а в холодной тени арок – два безмолвных, критических взгляда лучших воинов королевства. Давление удвоится, утроится. И на этом фоне любая фальшь в движениях девушки будет видна как на ладони.

Следующий день.

Холодный предрассветный воздух западного двора, острый как отточенный клинок, обволакивал кожу ледяным поцелуем, а в груди у Янэс стучал не страх, но холодный, точный ритм предстоящего спектакля, где будет и актрисой, и режиссером, и единственным знающим истину судьей. Она стояла, выточенная из теней и молчаливого расчета, в своем облегающем костюме эльфийской работы, где каждый шов, каждый стальной усик на плече был не просто защитой, но частью образа ученицы, которую сегодня будут разбирать на части любопытствующие глаза короны.

Король, неподвижный на своем каменном возвышении под темным плащом, казался скульптурой из ожидания и власти, и его взгляд, тяжелый и неумолимый как давление глубинных вод, она чувствовала даже не глядя прямо — он скользил по ее шее, плечам, запястьям, выискивая трещины в ее искусственно созданной броне из магии. Эти иллюзии, тончайшая пелена лжи, опутывали ее мышцы, замедляя истинную скорость до приемлемой «выдающейся», добавляя к ее идеальному равновесию почти невидимую дрожь новичка, а к холодному аналитическому взгляду — тень искренней, почти детской неуверенности.

Капитан Рилан приблизился, его доспехи издавали негромкий, сдержанный звон в этом утреннем безмолвии, голос был сух как этот песок под ногами. – Первое испытание, пять

моих учеников, один за другим, цель стандартная: сбить или обозначить смертельный удар. Вы готовы принять этот вызов?

Она ответила не словом, лишь скупым, почти небрежным кивком, взяла предложенный деревянный меч, грубое, неуклюжее подобие настоящего оружия, и ее пальцы обхватили его с видом привычки, но без любви — это был еще один штрих к портрету, штрих правдоподобности.

Первый бой, против рыжеволосого юнца, лицо которого пылало не столько веснушками, сколько необузданным желанием доказать себя. Он атаковал с той наивной прямолинейностью, что свойственна лишь юности, размашистый удар сверху, крик, вырвавшийся вместе со всей его силой. Янэс позволила иллюзии руководить ее телом: блок, сильный, но запоздалый, будто мышцы лишь в последний момент вспомнили должное движение, древесина встретила оглушительным стуком, она отступила, искусственно покачнувшись, и ощутила, как взгляды — восьми видимых и два сокрытых в тени арки — прильнули к этому первому, мелкому промаху. Ее ответ был не блеском техники, но чередой простых, точных ударов, она намеренно оставила брешь в левой стороне защиты, юнец, азартный и неопытный, клюнул на эту ловушку и рванулся в пролом, она сделала вид попытки парировать, позволила его мечу скользнуть по пластине корсета, а затем контратаковала — аккуратно, почти методично, зацепила его меч, резкий маневр, оружие вырвалось из его пальцев и упало на песок с глухим финальным звуком. Она стояла теперь, слегка наклоняясь, имитируя тяжесть дыхания, а в глазах ее, широко распахнутых, играл смешанный свет облегчения и собственного, будто неожиданного, успеха.

Второй бой, против коренастой девушки со стрижкой под гребень и глазами, острыми как шило. Эта была умнее, она двигалась с хищной, выверенной осторожностью, мелкие шажки, изучающий взгляд, и Янэс решила показать свой «недостаток в защите». Она позволила нескольким быстрым, хлестким ударам достичь цели — по рукам, по корпусу, отступая под этим напором с лицом, постепенно затягивающимся маской напряженного усилия, каждый раз она подставлялась так, чтобы удар приходился либо под пластину, либо скользил, создавая иллюзию случайного уклонения. Картина складывалась ясно: боец, способный держать удар, но тактически уступающий. Девушка, ободренная видимой слабостью, перешла в решительное наступление, и вот тогда Янэс «нашла свою возможность» — когда противница замахнулась на мощный, сокрушительный удар сбоку, она не блокировала, вместо этого, изобразив спотыкание о скрытую неровность песка, резко присела, меч просвистел над ее головой, оставив лишь свист рассеченного воздуха, потерявшая равновесие противница открылась на мгновение, Янэс выпрямилась как отпущенная пружина и нанесла короткий, сильный тычок деревянным оружием прямо в солнечное сплетение, девушка сложилась пополам с хрипом, выброшенным из сжатых легких. Победа, добытая не умением, но удачей и находчивостью, она отступила, с видимым трудом поднимая меч, и ее взгляд, полный немого вопроса, метнулся к капитану Рилану, будто она искала в его лице подтверждения, что все идет как должно, по его, а не ее, плану.

Третий бой, против долговязого бойца с посохом, который использовал свою длину как стену, держа ее на расстоянии хлестких, почти невесомых ударов. Янэс изобразила растерянность, граничащую с паникой, перед этим нестандартным оружием, она несколько раз пыталась сблизиться — нерешительно, робко, получая легкие, но унижительные удары по плечам, по бедрам, каждый удар звенел в тишине двора как колокол ее мнимой некомпетентности, казалось, ее полностью подавили, загнали в угол техники и длины. Но потом она «приспособилась», начала двигаться не прямо, а по широкой дуге, заставляя его разворачиваться, тяжелое дыхание стало ее аккомпанементом, когда он, решив завершить этот неравный «танец», совершил размашистый, финальный выпад, она внезапно, но в глазах наблюдателей — отчаянно и безрассудно, прыгнула вперед, внутрь его дистанции, их оружия сплелись в клубок бессильной борьбы, она сделала вид борьбы за свой меч, из последних, иссякающих сил, и в

этой суматохе движений ее нога «случайно» зацепила его подставленную ногу, он рухнул на спину с глухим стоном, а ее деревянный меч, будто невзначай, уперся ему в горло, в глазах поверженного бойца читалось не стыд, но чистое недоумение — он не понимал логику этого поражения, и это было для Янэс лучшей похвалой.

Четвертый бой, против левши, вооруженного двумя короткими клинками, его движения были текучими, непрерывными, как водопад. Это требовало самого сложного представления, нужно было показать, что ее «скорость и реакция» на пределе, на краю срыва, она парировала удары, но каждый блок отзывался в ее конечностях возрастающей тяжестью, будто руки наливались свинцом, движения стали резкими, рваными, менее отточенными, она допустила несколько явных ошибок, и деревянный клинок хлестко, со звуком рассеченного воздуха, ударил ее по бедру, она вскрикнула — крик, усиленный иллюзией до резкой, яркой боли — и отшатнулась, боец, почуввав слабинку, ускорился, превратившись в вихрь, его атаки лились непрерывным, ядовитым потоком, Янэс отступала, едва успевая поднимать меч, ее защита трещала, рассыпалась на глазах, казалось, еще одно движение, еще один удар — и она будет сломлена, раздавлена этим прессингом. Именно тогда она и «нашла» свой шанс, он исполнил сложный, почти красивый прием — удар высоко, с последующим низким подсекающим движением, она, будто инстинктивно и не думая, резко пригнулась под первый удар, а на второй ответила не блоком, но отчаянным, низким выпадом вперед, их тела столкнулись в центре площадки, ее плечо врезалось ему точно в грудь, сбивая дыхание, а ее меч, будто выпавший из ослабевших, дрожащих рук, упал плашмя ему на колени, он охнул, потеряв на миг концентрацию, и она, валясь на песок в последнем усилии, инстинктивно выставила ногу, он споткнулся, потерял равновесие и тяжело рухнул рядом, они лежали теперь вместе, тяжелое дыхание смешивалось в едином, грубом ритме, победа пахла не лаврами, но потом, болью и грязью, грязью выживания, а не искусства боя.

Пятый и последний бой, против самого старшего ученика, лицо которого было картой шрамов и прожитых битв. Этот не торопился, он наблюдал ее как хищник, оценивающий усталую, измотанную дичь, его атаки были нечастыми, но каждый удар был точен, тяжел, направлен в слабые, уставшие места, она дралась теперь как зверь в углу, агрессивно, некрасиво, срываясь на короткий, резкий крик при особенно сильных ударах, она больше не пыталась красиво парировать — она отбивала, отскакивала, иногда просто уворачивалась, пятясь по кругу, песок летел из-под ее сапог облаками пыли, удар, еще удар, она пропустила один в плечо, и ее отбросило на несколько шагов, тело пронзила волна искусственно усиленной боли, казалось, конец, финал. Но она поднялась, держась за онемевшую руку, и в ее глазах, широких и темных, вспыхнул не расчет, но животная ярость отчаяния, она бросилась на него, не атаковала — именно бросилась, как раненая пантера, забыв про защиту, про технику, про все, кроме инстинкта, их мечи скрестились в центре, и они сошлись в силовой борьбе, лицом к лицу, дрожа от напряжения, она смотрела ему в глаза, и в ее взгляде он, должно быть, видел только дикий, неконтролируемый страх, превращающийся в чистую, безумную злость, и в этот момент, когда он пытался продавить ее сопротивление всей своей массой, она резко ослабила напор, он рванулся вперед по инерции, и она, провернувшись на пятке, использовала его же силу, зашла ему за спину и нанесла короткий, тупой удар деревянным эфесом по основанию черепа, он рухнул сначала на колени, а затем, словно подкошенный, на песок, не оглушенный, но побежденный, окончательно и бесповоротно.

Тишина воцарилась на дворе, густая, почти материальная, нарушаемая лишь ее тяжелым, прерывистым дыханием, она стояла, опираясь на деревянный меч, тело покрытое пылью и синяками — иллюзорными и настоящими от падений, волосы выбились из хвоста и вились вокруг лица влажными прядями. Она сделала вид, что с трудом, через пульсирующую боль, поднимает голову и смотрит сначала на капитана Рилана, его лицо было камнем, потом на короля на возвышении, его выражение было непроницаемой загадкой.

Внутри же, за ледяной маской усталой, едва победившей девушки, царила идеальная, безмолвная ясность, холодная как глубины зимнего озера. *Смотрели, Ваше Величество? Видели свою истину? Вы видели лишь то, что я позволила, искусно проигранную победу, где каждый удар был ложью, каждый блок — мистификацией, каждый вздох — частью сценария. Теперь гадайте, ломайте головы: везучая дикарка или прирожденная, но неотшлифованная бойца? А я... я только что выучила стиль каждого из ваших лучших, каждую их слабость, каждый шаблон, и осталась для вас неразгаданным сфинксом, загадкой в броне и синяках.*

Глава 12.

Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый

Тронный зал поглотил последние звуки удаляющихся шагов, и Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый остался наедине с холодным величием своего титула и жгучим, унижительным осадком в груди. Не разочарование даже, а нечто более горькое и личное — ощущение себя как старого дурака, на миг поверившего в сказку, которую сам же и придумал. Тяжелое темно-синее одеяние, расшитое приглушенным серебром узоров, давило на плечи, будто выкованное из ночного свинца, а не из бархата и шелка.

Он сидел неподвижно, пальцы, белые от напряжения, впились в резных грифонов на подлокотниках трона, этого уродливого монстра из черного дуба и мертвого серебра, вознесшего его так высоко, что все казалось внизу мелким и неразборчивым. Яркий свет, просачивавшийся сквозь витражи, не освещал, а лишь подчеркивал пустоту, ложась разноцветными пятнами на каменные плиты, по которым только что стояли на коленях те, кому он доверял свой порядок. Рилан, Гаррик, Валра могли вскрыть душу, но не нашли в той девице ничего, кроме усердного, болезненного ума и синяков.

«Ничего, ваше величество... просто наблюдательна, умна... обладает выдержкой...» — слова командира висели в тишине, сухие и безжизненные, как шелест опавшей листвы по могильной плите.

Он сжал веки, пытаясь изгнать навязчивый образ: ее движения на песке, эти странные, почти неестественные падения, будто тело подчинялось не логике удара, а какой-то иной, изощренной науке. Он ловил себя на том, что жадно искал в них отзвук, тень, хоть слабый отсвет того, что видел лишь раз в жизни — ту невозможную пластику, то растворение в пространстве, что не подчинялось законам плоти и стали. Он, Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый, король, перед которым трепещут графы и закаляют сталь легионы, позволил уму увлечься фантомом, и это была не ошибка стратега, это была слабость, тоскующего по чуду, и от того вдвойне позорная.

Гнев, тупой и беспредметный, закипал где-то под рёбрами, но он не дал ему вырваться, вдавив обратно в холодную, рациональную глыбу, которой должен был быть. Гнев был уделом таких, как Рилан, который сейчас, наверное, в ярости грызёт кулак в своих казармах, униженный публичной ошибкой. Командир стражи, лучший боец королевства. «Спутал с боевым опытом...» — да, спутал, и в этом был весь ужасающий смысл: их величайшие навыки оказались беспомощны перед простой, отточенной наблюдательностью.

Он медленно выдохнул, и звук выдоха потерялся в гулкой пустоте зала. Чувство глупца, оставшегося в дураках перед самим собой, было отвратительно, но его следовало препарировать, как труп на столе лекаря — извлечь из этой неудачи пользу, превратить публичный просчёт в скрытый ход.

Она не магия - инструмент. Острый, своеобразный, возможно, даже уникальный в своей узости инструмент. Видеть слабости, копировать ошибки, читать поле боя как простую книгу — на поле брани это делало её бесполезным солдатом, но в тишине канцелярий, в горах пергаментов, в сухих отчётах о пропавших грузах и неувязках в налогах... там такой взгляд мог стоять легиона шпионов. Он представлял её не в доспехах на стене, а сторбленной над столом в пыльном архиве, бледное лицо, освещённое свечой, тонкие пальцы водящие по колонкам цифр, которые для других были лишь скучной обязанностью, а для её ума — рассказом о лжи, о краже, о предательстве.

Он поднялся с трона, и складки темно-синего одеяния, тяжёлые как вода на дне глубокого колодца, беззвучно поползли за ним. Подойдя к витражу, он прикоснулся ладонью к холодному стеклу, за которым лежал его город, опутанный невидимыми нитями правды и обмана.

Тяжелая тишина тронного зала сменилась новым, еще более неприятным звуком — тихим голосом собственной совести, который звучал в голове короля четче любого придворного интригана.

Он заставил ее биться на мечах.

Мысль, простая и неотвратимая, вонзилась в него с неожиданной остротой. Янэс, хрупкая девица, чьи единственные доспехи — это холодный ум и стальная выдержка. Он, Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый, приказал ей выйти на песчаный круг против закаленных в боях стражников, он видел, как ее швыряли о землю, как клинки мелькали в сантиметрах от ее лица, слышал приглушенный стон при особенно жестком падении. А она лишь поднималась, отряхивалась, и ее глаза — ясные, лишённые паники — продолжали вычислять, анализировать, *читать* противника.

Он не думал, что ей могут навредить. Нет, это была ложь, которую сейчас с горечью осознал. Он не думал о ней вообще, был ослеплен блеском собственной гипотезы, пьян от возможности прикоснуться к чуду. Он гнал ее по кругу, как испытуемого зверька, жадно вглядываясь в каждое движение, надеясь увидеть вспышку магии, проявление скрытой силы. А она... она просто пыталась выжить, используя единственное, что у нее было: свой острый, безжалостный к себе самой интеллект.

«Она же с самого начала была холодной, точной, прямолинейной, — пронеслось в его голове с мучительной ясностью. — Она не таилась в тенях, не шептала заклинаний, смотрела прямо. Отвечала честно, даже когда это было невыгодно. Ее «тайна» была у всех на виду: невероятная способность видеть. И как же я посмел усомниться? Как посмел искать в ясном ручье отражение призрака?»

Стыд, горячий и непривычный, разлился под тяжелым бархатом его одеяния. Он, король, вершитель судеб, позволил своей «бурной фантазии» — как жалко и по-детски это теперь звучало! — подвергнуть беззащитного реальной опасности. Он использовал ее как расходный материал в своем личном, тщеславном расследовании

Он смотрел на свои руки, подписывающие указы, держащие скипетр, пославшие сегодня на бой девушку. В них не было крови, но на них лежала ответственность за страх, за боль, за синяки, которые сейчас, наверное, темнели на ее бледной коже в покоех.

Потребность извиниться вспыхнула в нем не как порыв милосердия, а как необходимость восстановить порядок — в первую очередь, в самом себе. Оскорбить и унижить невинного, пусть и по заблуждению, — это пятно на его репутации правителя, который должен быть справедливым. Но более того — это была личная неудача, он ошибся не как стратег, слепой король.

Однако извинение его не может быть простыми словами, оно должно быть действием. Исправлением.

И тогда решение родилось из самой этой стылой пустоты зала, выкристаллизовавшись не как дипломатический ход, но как единственно возможное искупление, простое и ясное, сметающее прочь все сложные расчеты, всю эту пыльную мишуру государственной целесообразности — не торжественная аудиенция в Мраморном павильоне, не сухой приказ о новом, пусть и почетном, назначении, а нечто куда более личное, куда более человеческое, что-то, что не значилось ни в одном придворном регламенте.

Ужин.

Не в помпезном банкетном зале под прищуренными взглядами сотен глаз, жаждущих скандала или милости, а на маленьком западном балконе, том самом, забытом и непарадном, с потрескавшимися каменными перилами, увитыми спящим сейчас плющом. Там, за пределами церемониала, можно было бы говорить не как король с безгласной подданной, а как двое, один из которых, обремененный виной и властью, обязан, наконец, обнажить душу и вымолить прощение.

Он позволил картине завладеть сознанием, закрыв на миг глаза: простой дубовый столик, потрескавшийся от времени, а не лакированный до ослепительного блеска, две-три свечи в простых медных подсвечниках — не слепящие факелы, а теплые, неровные язычки, отбрасывающие трепетные тени, легкий ужин — возможно, печеная рыба с травами, теплый хлеб, легкое вино — ничего, что давило бы обязательством пиров и тостов. И она, Янэс, сидящая напротив, все та же, хрупкая и неразгаданная, возможно, все еще настороженная, ее плечи, может быть, слегка сведены от усталости и перенесенного страха, но уже не на раскаленном песке под лезвиями его стражников. Он сможет найти нужные слова, те самые, что сейчас жгли ему гортань, глядя прямо в ее ясные, лишённые иллюзий глаза, не прячась за непроницаемой маской монарха, сбросив, хоть на этот вечер, тяжкое бремя титула. И, возможно, услышать в ответ не сухой отчет или испуганный лепет, а ее настоящий голос, тихий и точный, звучащий не в ответ на допрос, а в свободном, пусть и тягостном, разговоре, увидеть наконец то, что скрывалось за поразительной выдержкой, — просто девушку, которую он своим высокомерием и жадой чуда поставил на грань.

Это, конечно, был чудовищный риск, нарушение всех мыслимых и немыслимых протоколов, непредусмотренная, почти скандальная близость с пленительной девушкой, чье имя уже наверняка шептались в коридорах, плодородная почва для самых ядовитых сплетен, которые могли поползти по дворцу, как черви, но этот риск казался ему теперь единственно честной тропой через болото его собственной ошибки, единственным способом смыть с себя грязь несправедливости, ибо его заблуждение обернулось не только потенциальной выгодой, но и жестоким уроком в смирении, уроком, который требовал не указа, скрепленного печатью, а тихого, искреннего жеста, начала диалога, а не монолога власти.

Подойдя к скромному столику в нише, где лежали листы дорогого, бледно-кремового пергамента и стояли гусиные перья в фаянсовой чернильнице, он не стал звать придворного писца, не стал диктовать, а взял перо сам, ощутив его непривычную легкость в пальцах, привыкших держать лишь скипетр. И своей собственной, четкой рукой, лишённой вычурных вензелей, начертал короткое послание, намеренно обедненное титулами и церемониальными оборотами, дышащее лишь сутью:

«Янэс. Прошу оказать мне честь разделить ужин сегодня вечером на западном балконе. Солнце садится в восьмом часу. А.И.»

Он не написал «король», не поставил величественного «Мы», подписавшись лишь инициалами, сокровенным шифром, за которым стоял сейчас не правитель, а просто Анут Иабор, с его ошибками и стыдом. Пусть этот клочок пергамента станет началом, первым шагом в немыслимом танце извинения, началом попытки разглядеть то, что было перед ним все это время — не фантом, не инструмент, а живого человека, которого он своей слепотой несправедливо поставил под удар.

Аккуратно сложив записку, он прижал ее на мгновение к ладони, словно пытаясь вложить в бумагу часть своего непростого, щемящего намерения, затем резким, но тихим движением повернулся и позвал дежурного паж, мальчика с бледным, испуганным лицом. «Передай лично в руки, только ей, и жди ответа, не отходи», — прозвучал приказ, тихий, но не допускающий возражений. И, глядя, как тот, почти бесшумно ступая, растворяется в синеватой мгле длинного коридора, Анут Иабор, откинувшись на спинку стула, впервые за этот бесконечно долгий, унижительный день почувствовал не привычную, давящую тяжесть короны и долга, а нечто иное — странное, щемящее, тревожное ожидание, сладкий и горький одновременно укол надежды, надежды не монарха, а просто человека, одинокого в своем величии, и отчаянно желающего быть наконец понятым.

Янэс иль Филь.

Ко мне постучался паж, испуганный ребенок, который, дрожа, протянул записку, я прочитала, посмотрела на его бледное личико и попросила передать мягкий, но непоколебимый

отказ, малыш стал еще белее, похожий на восковую фигурку, но, поклонившись, все же ушел, затянув за собой тишину, что сразу же стала гуще и ощутимее.

Секунды превратились в минуты, а минуты в тягучие, томные часы, я терпеливо ждала в своем простом, сером легком платье, сидя у узкого окна и наблюдая, как последние лучи солнца уступают место синеве сумерек, и в конце концов дождалась того, чего, в глубине души, и ожидала.

— Да как она посмела?! — рык короля, низкий и яростный, сотряс не только стены, но и, казалось, самый воздух в моих скромных покоях, ну а чего он хотел, в самом деле, после того как заставил биться на мечях, подвергнув унижению и реальной опасности — просто пригласить на ужин, словно ничего и не было, я, конечно, обязана подчиняться, но не хочу, не могу, ибо злилась, ведь это жестокое представление отняло у меня не только физические силы, но и последние крохи доверия к его рассудку.

Пока я была погружена в свои горькие мысли, массивные дубовые двери с грохотом вынесло от мощного удара, я даже не успела понять, что происходит, как меня резко повалили на жесткую кровать, и великий, устрашающий король, весь — сгусток ярости и власти, тяжело навис надо мной, заслонив собой тусклый свет лампы.

— Янэс иль Филь, — начал он, и голос его звучал обманчиво мягко, но при этом из самой глубины груди исходило глухое, неумолчное рычание, — Мне *очень* интересно, по какой, скажите, причине вы сочли возможным мне отказать? — было видно, как он злится: каждая мышца на его лице была напряжена, а в глазах плясали опасные искры.

— Мой господин, — выдохнула я, стараясь сохранить ровность тона, хотя сердце колотилось где-то в горле, — в такой... позе не очень-то удобно вести дискуссию, особенно о хороших манерах, которых вам, простите, в данный момент явно не хватает.

— Я жду ответ на свой вопрос, — прошипел он, и его лицо стало ближе, настолько, что я ощутила исходящий от его тела жар, смешанный с запахом дорогого вина, кожи и гнева, это была не просто близость — это было вторжение, попрание всех границ, и мое собственное дыхание вдруг сперло от этой нелепой, почти животной интимности насилия.

— Господин, — проговорила я, медленно переводя взгляд в сторону, где когда-то были двери, а теперь маячили силуэты перепуганных и разгоряченных слуг, — Не могли бы вы соблюдать дистанцию между нами, а то ваши верные подданные, которые столь открыто наблюдают эту... пасторальную сцену, могут, чего доброго, придумать новые, еще более пикантные слухи, и тогда вам, помимо извинений передо мной, придется еще и оправдываться перед придворными дамами, которые наверняка будут огорчены таким грубым вмешательством в их монополию на скандалы.

И тут я услышала его рычащий стон, звук, в котором смешались ярость, досада и что-то еще, похожее на отчаянное бессилие, — будто у кого-то, наконец, сдали нервы, король резко выпрямился, отпрянув от кровати, и посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом, полным такого раздражения и неприязни, словно я была не человеком, а чем-то назойливым и непонятным, насекомым, разрушившим его планы, затем, не сказав больше ни слова, он развернулся и быстрым, порывистым шагом, сокрушая своим видом все на своем пути, вышел из моих покоев, оставив за собой гробовую тишину, в которой я осталась лежать на смятой постели, ощущая на запястьях следы его грубых пальцев и странное, щемящее чувство, что эта битва, возможно, только начинается.

Слуги же, оставшиеся на пороге, не стеснялись теперь ни во взглядах, полных животного любопытства и страха, ни в перешептываниях, которые тут же поползли по коридору, подобно ядовитым змеям, и интересно, к чему же все это, в конечном счете, приведет — к моей опале, к новой, более изощренной проверке, или же эта вспышка монаршего гнева посеяла в нем семя чего-то иного, того самого недоумения, которое рано или поздно сменится вопросом, а

вопрос — необходимостью настоящего диалога, от которого теперь, кажется, не отвертеться ни ему, ни мне.

На следующий день.

В темноте комнаты, где тени от камина играли на простых стенах, раздался стук — на этот раз не резкий и не властный, а скорее сдержанный, почти неуверенный. Янэс, не отрывая взгляда от узкого окна, где последние звезды растворялись в предрассветной синеве, лишь слегка повернула голову, когда массивная дубовая дверь, которую поставили на замену старой, очень быстро, без привычного грохота, медленно открылась.

На пороге стоял Анут Иабор, но это был не тот король, который вчера врывался здесь со гневом в глазах и грубой силой в движениях; он был без парадного плаща, в простой темной рубашке, которая, казалось, сливалась с полумраком коридора, и в его руках были две скромные глиняные кружки, из которых тянулся тонкий пар, смешиваясь с холодным воздухом комнаты.

– Можно? – спросил он, голос его звучал тише обычного, почти с робкой ноткой, и он стоял, слегка наклонив голову, словно ученик перед строгим учителем. – Я... принес перемирие. Точнее, глинтвейн. У дежурного на кухне выпросил. Говорят, он успокаивает нервы. Мои нервы, разумеется, ваши, судя по всему, и так в идеальном порядке.

Янэс не встала, лишь медленно перевела взгляд от звезд к его рукам, которые держали эти простые сосуды, затем к его лицу, на котором читалась не привычная уверенность, а скорее странная смесь решимости и смущения.

– Ваше Величество разносчиком горячих напитков? – произнесла она, и в ее голосе была не ярость прошлого дня, а скорее тихое, почти насмешливое недоумение. – Это новый придворный пост? Или следующее испытание — проверить, не отравлен ли глинтвейн?

Король вошел, поставил кружки на грубый деревянный стол у ее кресла и, не дожидаясь приглашения, сел напротив, с видом обычного дроу, который совершает что-то одновременно глупое и необходимое.

– Считайте это личной капитуляцией. Безусловной. – начал он, и его слова, хотя и звучали мягко, были вымучены, как признание, которое трудно выговорить. – Я, Анут Иабор, капитулирую перед... вашей способностью приводить меня в ярость одним лишь молчанием. Это дар, возмутительный. – Он взял свою кружку, сделал глоток и резко морщился, будто вкус был не просто неприятным, а откровенно оскорбительным. – Боги, он ужасен. Пахнет старыми носками и раскаянием.

Янэс наблюдала за ним, и впервые с того момента, как он появился в ее жизни, уголок ее рта дрогнул, не в улыбке, но в признаке того, что ледяная оболочка вокруг ее сердца начала таять.

– Раскаяние, говорите? – ответила она, и ее голос теперь был не острым, а скорее задумчивым, словно она изучала новый, незнакомый феномен. – Как интересно пахнет это чувство. А мне показалось, вчера здесь витал совсем иной аромат – смесь гнева, нарушенного суверенитета и... кажется, дорогого вина.

Анут Иабор поставил кружку на стол и посмотрел на нее, но теперь его взгляд был без той яростной интенсивности, которая прежде сжигала воздух; вместо этого в его глазах читалось усталое, почти болезненное любопытство.

– Вы знаете, что я думал, пока шел сюда по темным коридорам, рискуя, что меня примут за привидение или, что хуже, за влюбленного пажа?

Янэс сделала вид, что задумалась, слегка наклоняя голову, словно рассматривая эту картину в своем воображении.

– Думали, как бы эффектнее снова вышибить мою дверь? Или репетировали новую гневную тираду, но уже с элементом... горячего вина?

Король издал короткий, хриплый смешок, звук, который был скорее признаком ослабленной защиты, чем истинной радости.

– Я думал, что вы, наверное, единственная в королевстве, которой я не могу приказать. Не формально, нет. А по-настоящему. Не могу заставить сесть напротив, не могу заставить принять извинение, не могу... – Он сделал паузу, взгляд его опустился в глубину глиняной кружки, где темная жидкость казалась почти черной в полумраке. – Не могу заставить увидеть во мне того, кем я пытался быть на том балконе в своих фантазиях.

Улыбка Янэс, которая до этого лишь дрогнула, теперь полностью исчезла, растворившись в тихой серьезности, которая заполнила комнату. Она молча взяла свою кружку, поднесла ее к губам и сделала маленький глоток, но не позволила себе поморщиться как он.

– Вы правы. Отвратительный. – произнесла она, и после еще одного глотка добавила, почти как учитель, оценивающий неудачную работу ученика. – И слишком сладкий. Королю, который заманивает женщин на ужин с видом на холмы, следовало бы разбираться в пряностях получше.

Анут Иабор наклонился вперед, положил локти на колени, и расстояние между ними сократилось, но теперь это сокращение было не вторжением, как прежде, а медленным, почти естественным сближением.

– Я не разбираюсь, абсолютно ничего не понимаю в том, как с вами быть, Янэс. Драконов умирять, заговоры раскрывать – это пожалуйста. А тут... – Он жестом, легким и почти неуверенным, указал на пространство между ними, на эту невидимую, но осязаемую границу. – Тишина, которую вы носите с собой как доспехи. Отказ, который звенит громче любых моих приказов. Это сводит с ума.

Янэс опустила глаза, теперь ее взгляд был прикован к тонкому пару, который еще поднимался от ее кружки, словно маленькое облако в холодной комнате.

– Может, это и есть настоящая проверка, Ваше Величество? – сказала она, и ее голос был тихим, почти философским. – Не мечи на песке. А вот это. Сидеть в комнате с кем-то, кого ты обидел, и не знать, что сказать. Чувствовать себя не королем, а... мальчишкой, который разбил любимую вазу и теперь тычет пальцем в трещину, надеясь, что она сама склеится.

Взгляд Анута Иабора загорелся странной смесью облегчения и новой, уже не яростной, но более глубокой досады.

– О, теперь вы еще и в философы записались? Бить по больному мастерски. – Он вздохнул, откинулся на спинку кресла, и в этот момент его лицо, всегда скрывающееся под маской власти, стало уязвимым, усталым. – Я не понимаю, даже не знаю, с какого конца подойти. Предлагаю ужин – получаю скандал. Приношу ужасный глинтвейн – получаю лекцию о пряностях. Остается, видимо, принести свою корону на блюдечке. Хотите? Можете постучать ею о стол, когда я снова буду нести чушь.

Теперь Янэс улыбнулась по-настоящему, тихо, и впервые ее глаза, которые всегда были как заледеневшие озера, потеряли свою ледяную оболочку, в них появился свет, мягкий и теплый, как свет от камина.

– Корона, пожалуй, будет лишней. Она только звенеть будет. А у нас тут... – Она обвела взглядом свою простую комнату, где ничего не было кроме кровати, стола, кресел и шкафа. – и так достаточно шума от сплетен за дверью.

Они замолкали, и тишина, которая теперь заполнила комнату, была не вра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.